

ЭБЕН АЛЕКСАНДЕР

ПРИ УЧАСТИИ

КАРЕН НЬЮЭЛЛ

ЖИЗНЬ В РАЗУМНОЙ ВСЕЛЕННОЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ НЕЙРОХИРУРГА
К СЕРДЦУ СОЗНАНИЯ

ОТ АВТОРА
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
РАЯ

Жизнь после жизни

Эбен Александер

**Жизнь в разумной
Вселенной. Путешествие
нейрохирурга к сердцу сознания**

«ЭКСМО»

2017

УДК 128
ББК 87.2

Александр Э.

Жизнь в разумной Вселенной. Путешествие нейрохирурга к сердцу сознания / Э. Александр — «Эксмо», 2017 — (Жизнь после жизни)

ISBN 978-5-04-095822-1

Всего за неделю нейрохирург, скептик и материалист Эбен Александр полностью изменил свое представление о мозге, разуме и сознании. В течение 7 дней, пока сам он лежал на больничной койке в глубокой коме, его сознание странствовало за пределами нашего мира. Врачи назвали его случай безнадежным, но он не только пришел в себя, но и полностью исцелился! И поставил себе задачу найти подлинно научное объяснение чуду, произошедшему с ним, и досконально исследовать тайны человеческого сознания и околосмертных переживаний – феноменов, о которых современной науке по-прежнему практически ничего не известно. В этой книге доктор Александр делится своими открытиями и выводами и рассказывает, как использовать невероятную силу ума и сердца, чтобы преобразить свою жизнь... и даже Вселенную! Исцеление ментального и физического тел, создание прочных и здоровых отношений, развитие в себе лидерских качеств – все это возможно, если поверить, что все мы рождены и существуем ради Высшей цели и живем в разумной, следующей божественному плану Вселенной.

УДК 128
ББК 87.2

ISBN 978-5-04-095822-1

© Александер Э., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Введение	7
Предисловие	8
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эбен Александер, Карен Ньюэлл Жизнь в разумной Вселенной. Путешествие нейрохирурга к сердцу сознания

*Нашим детям Эбену IV, Бонду и Джейми, чье поколение, как мы
надеемся, сделает этот мир гораздо лучше*

Eben Alexander and Karen Newell
Living in a Mindful Universe:
A Neurosurgeon's Journey into the Heart of Consciousness

© 2017 by Eben Alexander, MD and Karen Newell

© Вирязова О.О., перевод на русский язык, 2018

© Каратаев С, иллюстрации, 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Введение

Эта книга – смелая попытка объединить науку и духовность, которые считаются противоположными друг другу и редко так подробно рассматриваются в одной книге. Мы ставим своей целью охватить широкую читательскую аудиторию – людей с научными, духовными интересами и всех, кто между ними. Это послание всему человечеству.

Мы надеемся привлечь внимание современного информированного читателя, искренне заинтересованного в более глубоком понимании природы мира и нашей взаимосвязи с ним. Первые пять глав проясняют слабые места господствующего на Западе мировоззрения и разоблачают многие укоренившиеся консервативные научные и философские гипотезы. Затем мы очертим более широкую парадигму и поддержим ее как личным опытом, так и эмпирическими доказательствами научных исследований.

Некоторые сведения первых глав могут показаться скучными читателю, далекому от научного мира, но ему не обязательно вникать в эти идеи, чтобы перейти к следующей части книги. Кое-кто предпочтет прочитать первые пять глав после всех остальных. Главы с шестой по шестнадцатую посвящены примерам и актуальным инструментам и техникам, которые раскроют связь читателей со Вселенной и помогут им более полно проявить свою свободную волю.

Текст написан от первого лица, потому что это моя история. Но Карен Ньюэлл, которая понимает меня лучше, чем кто-либо другой, многое добавила, разъяснила и уточнила от себя, так что это наша общая программа – и сам я, наверное, не смог бы так хорошо ее изложить. Карен всю жизнь старалась глубже постичь природу сущего, она драгоценный кладёзь открытий и концепций. Книга получилась гораздо информативнее (и понятнее далекому от науки читателю) благодаря ее просветленной мудрости.

Предисловие

«Исследовать – значит видеть то, что видели все, и думать так, как не думал никто».

Альберт Сент-Дьёрди, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине, 1937 год

Как связаны ум и мозг? Большинство людей оставляют подобные размышления нейробиологам и философам – зачем тратить время на такие научные вопросы? Мозг и ум явно как-то связаны, и большинству из нас этого знания достаточно, правда? В нашей жизни есть более важные вещи, которым нужно уделять внимание.

Как практикующий нейрохирург, я ежедневно решал проблему взаимосвязи ума и мозга, потому что у моих пациентов зачастую менялся уровень сознания. Хотя это явление интриговало меня, мой интерес был чисто практическим. Я умел оценивать изменения сознания, чтобы диагностировать и лечить разнообразные опухоли, повреждения, инфекции или нарушения кровообращения мозга. У меня были инструменты и, надеюсь, талант, чтобы помогать пациентам, восстанавливая их до более «нормальных» уровней сознательной осведомленности. Я внимательно следил за достижениями физики и знал, что ученые выдвигают различные теории о том, как все это происходит, но у меня были мои пациенты, о которых нужно было постоянно заботиться.

Моя удовлетворенность таким поверхностным «пониманием» потерпела крах 10 ноября 2008 года. Я рухнул на кровать и впал в глубокую кому, после чего меня госпитализировали в больницу города Линчберга – больницу, где я работал нейрохирургом. Находясь в коме, я пережил то, что еще долго после выздоровления озадачивало меня и не имело объяснений в рамках известной мне науки.

Согласно традиционной нейронауке, из-за тяжелого поражения мозга, вызванного генерализованным бактериальным менингоэнцефалитом, я не должен был ничего испытывать – совсем ничего! Но в то время, как мой отекавший мозг боролся с инфекцией, сам я отправился в фантастические странствия, во время которых совершенно не помнил свою земную жизнь. Эти странствия, как мне казалось тогда, длились несколько месяцев или даже лет. Это было сложное путешествие в бесконечных и уникальных высших измерениях, вне пространства и времени. Полное подавление активности неокортекса – коры головного мозга – должно было вывести из строя чуть ли не все мои остаточные впечатления и память, однако по выходе из комы меня неотвязно преследовали сверхреальные воспоминания, яркие и сложные. Сначала я верил своим врачам и их словам, что «умирающий мозг может выкинуть любую штуку». В конце концов, я сам когда-то говорил своим пациентам то же самое.

Последний, контрольный, раз я посетил главного невролога, лечившего меня, в начале января 2010 года, четырнадцать месяцев спустя после выхода из опасной недельной комы. До комы доктор Чарли Джозеф был моим другом и ближайшим коллегой, он вместе с другими врачами боролся с моим ужасным менингоэнцефалитом, попутно фиксируя неврологический ущерб. Он досконально изучил ход моего выздоровления (удивительный и неожиданный, учитывая тяжесть моей болезни) – ознакомился с результатами всех осмотров, МРТ и КТ, сделанных во время комы, и сам провел полное неврологическое обследование.

Хотя было очень соблазнительно признать мое удивительное выздоровление загадкой и забыть о нем, я не мог этого сделать. Наоборот, я хотел найти объяснение моему путешествию во время комы – сенсорному опыту, полностью опровергающему наши консервативные неврологические концепции о роли неокортекса в подробной сознательной деятельности. Тем вет-

ренным зимним днем, во время последней дискуссии с доктором Джозефом, тревожная мысль о том, что основные принципы неврологии неверны, завела меня в иные области знаний.

– Я не нашел никаких объяснений тому, как в глубокой коме могли возникнуть столь яркие, сложные и живые психические переживания, – сказал я ему. – Они казались более реальными, чем все, что я когда-либо испытывал. – Я рассказал ему о бесчисленных отчетливых подробностях событий, происходивших со мной с первого по пятый день моей недельной комы. Однако неврологические обследования, лабораторные анализы и результаты лучевой диагностики подтвердили, что мой неокортекс был слишком поврежден тяжелым менингоэнцефалитом, чтобы позволить подобный сознательный опыт.

– Как мне все это объяснить? – спросил я своего друга.

Никогда не забуду улыбку Чарли, когда он понимающе посмотрел на меня и сказал:

– В наших представлениях о мозге, рассудке и сознании много пробелов, и загадка твоего удивительного выздоровления может указывать на что-то очень важное. Тебе прекрасно известно, что в клинической неврологии есть множество доказательств того, что нам предстоит долгий путь, прежде чем мы сможем претендовать на любого рода понимание. Я склонен принять твое загадочное исцеление за очередной элемент пазла, который сильно повышает шансы хоть как-то понять природу нашего существования. Радуйся!

Я счел обнадеживающим тот факт, что высококвалифицированный и толковый невролог, тщательно изучивший все особенности моей болезни, увидел грандиозные перспективы, которые открывали мои воспоминания о глубокой коме. Чарли помог мне трансформироваться из ученого-материалиста, гордого своим академическим скептицизмом, в человека, знающего свою подлинную природу и заглянувшего на другие уровни реальности.

Конечно, это было нелегкое время – те первые месяцы исследований и растерянности. Я знал, что рассматриваю концепции, которые многие в моей сфере сочтут из ряда вон выходящими, если не еретическими. Кто-то мог посоветовать мне оставить свои изыскания и не совершать профессионального самоубийства, рассказывая такую невероятную историю.

Не соблазняться вымыслом о предполагаемом мире, а стремиться иметь дело с миром таким, каков он есть. Всем, кто хочет лучше понимать жизнь, стоит перенять этот подход.

Мы с доктором Джозефом пришли к мнению, что мой мозг был тяжело поврежден опасным для жизни бактериальным менингоэнцефалитом. Неокортекс – часть мозга, без хотя бы частичной активности которой, по мнению современной неврологии, невозможно получить сознательный опыт, – был неспособен создавать или обрабатывать сигналы, даже отдаленно напоминающие мои переживания. И все же я пережил это. Говоря словами Шерлока Холмса, «когда исключаются все возможности, кроме одной, эта последняя, сколь ни кажется она невероятной, и есть неоспоримый факт!». Таким образом, мне оставалось признать невероятное: этот очень реальный опыт имел место, я его осознавал, и мое осознание не зависело от сохранности мозга. Только позволив своему уму (и сердцу) распахнуться, я смог увидеть бреши в общепринятых консервативных представлениях о мозге и сознании. И благодаря свету, проходящему сквозь эти бреши, я разглядел подлинные глубины полемики о разуме и теле.

Эта полемика крайне важна, потому что от нее всецело зависят многие из наших фундаментальных гипотез о природе реальности. Все представления о смысле и цели нашего существования, о взаимосвязи с другими людьми и Вселенной, о нашей подлинной свободе воли и даже о таких понятиях, как загробная жизнь и реинкарнация, – все они напрямую зависят от результата полемики о разуме и теле. Взаимоотношения между разумом и мозгом – одна из самых глубоких и важных тайн Вселенной. И картина, возникающая на наиболее перспективных горизонтах научных исследований, совершенно противоположна устоявшимся взглядам. Революция кажется неизбежной.

Я иду путем открытий, и, без сомнения, вопрос ума и мозга будет занимать меня всю оставшуюся жизнь. После выздоровления я встретился с самыми мощными переживаниями и интересными людьми, каких только можно вообразить. Я научился не соблазняться вымыслом о предполагаемом мире, а стремиться иметь дело с миром таким, каков он есть. Всем, кто хочет лучше понимать жизнь, стоит перенять этот подход.

Во время важных и сложных периодов, через которые я прошел за девять лет, минувших с выхода из комы, моей мантрой были слова: «Верь во все это хотя бы сейчас». Мой совет вам, дорогой читатель, делать то же самое – на время отказаться от недоверия и как можно шире открыть свое сознание. Глубокое понимание требует этой свободы. Так воздушный гимнаст должен отпустить трапецию, чтобы выполнить акробатический трюк в воздухе, веря, что партнер сможет его поймать.

Представьте, что эта книга – мои вытянутые руки, готовые вас поддержать, когда вы совершите величайший из всех прыжков – прыжок в нашу восхитительную подлинную реальность!

Глава 1

Осмысление

«Вселенная не только более необычна, чем мы предполагаем; она необычнее, чем мы можем предположить».

Дж. Б. С. Холдейн, британский биолог-эволюционист

Конференции по заболеваемости и смертности – это способ поделиться с медицинским сообществом историями несчастных пациентов, оставшихся искалеченными или умерших от разных болезней и повреждений. Возможно, это не самая веселая тема, но конференции проводятся с целью изучить вопрос и научиться защищать будущих пациентов от такой участи. Больной, присутствующий на собственной конференции по заболеваемости и смертности, – большая редкость, но именно в такую ситуацию я попал через несколько месяцев после комы. Врачи, лечившие меня, были поражены высоким уровнем моего восстановления и воспользовались этим несомненным чудом, чтобы пригласить меня поучаствовать в дискуссии о моем неожиданном спасении от смерти.

Мое выздоровление противоречило всей медицинской науке. В то утро, когда я появился на конференции, несколько коллег поделились со мной тем, какой шок у них вызвало то, что я не только выжил (к концу недельной комы вероятность этого составляла, по их подсчетам, два процента), но и, похоже, восстановил все свои психические функции за несколько месяцев – это обстоятельство было воистину поразительным. Никто не мог даже подумать о таком восстановлении, учитывая длительность моей болезни. Мои неврологические обследования, снимки КТ, МРТ и лабораторные анализы ясно показывали, что менингоэнцефалит был крайне тяжелым и смертельно опасным. На начальной стадии моему лечению мешали довольно регулярные эпилептические припадки, которые было трудно остановить.

На основе неврологического обследования определяется тяжесть комы, и оно же может дать одну из наилучших подсказок касательно прогноза. Оценив движения глаз и реакцию зрачков на свет, а также особенности движений рук и ног в ответ на болевые раздражители, мои врачи определили, как определил бы и я, что мой неокортекс, человеческая часть мозга, был сильно поврежден уже тогда, когда меня только привезли в палату интенсивной терапии.

Другой решающий фактор касается качества вербализации, а у меня ее не было вовсе – я лишь изредка мычал и стонал. Единственным исключением было восклицание: «Господи, помоги мне!», которое я издал еще в палате интенсивной терапии (сам я этого не помню, мне об этом сообщили позже). Услышав от меня нечто вразумительное, друзья и близкие приняли эту фразу за проблеск надежды, что я смогу вернуться в сознание. Но это были последние слова, которые я произнес перед тем, как впасть в глубокую кому.

Шкала комы Глазго (ШКГ) оценивает речь, движения рук и ног (особенно в ответ на болевые раздражения заторможенных или коматозных пациентов), а также движения глаз. Ее используют для оценки состояния и наблюдения за пациентами с разными степенями нарушения сознания, включая кому. ШКГ – это оценка уровня восприимчивости, который варьируется от пятнадцати у нормального здорового пациента до трех, соответствующих трупам или пациенту в очень глубокой коме. Пока я лежал в реанимации, мой самый высокий показатель ШКГ равнялся восьми, но временами падал до пяти. Я явно был при смерти.

На конференции, посвященной моему случаю, люди интересовались моей энцефалограммой. ЭЭГ – это довольно неудобное и сложное обследование, которое нужно делать, только если без этой информации не поставить диагноз или не назначить лечение. Есть исследования, подтверждающие корреляцию между степенью отклонения от нормы результатов ЭЭГ и неврологическим исходом в случаях бактериального менингита. Кроме того, я попал в реанима-

цию в эпилептическом статусе (у меня были эпилептические припадки, не поддающиеся медицинскому контролю). Так что у моих врачей были веские основания сделать мне ЭЭГ.

Однако я был так болен и прогноз был так неблагоприятен, что мои врачи решили не делать ЭЭГ. Это обследование, как и в других случаях тяжелого менингоэнцефалита, скорее всего, показало бы диффузную медленноволновую активность, паттерны «вспышка-подавление» или изолинию, указывающую на инвалидизирующее поражение неокортекса. Это видно из неврологических обследований и по тяжести моей болезни.

На самом деле запись ЭЭГ ничего не показывает (изолиния) уже через пятнадцать-двадцать секунд после остановки сердца, так как приток крови к мозгу останавливается. По этой причине ЭЭГ дает не очень надежную картину суммарного повреждения неокортекса. Неврологические обследования и снимки КТ и МРТ показали, что повреждения очень обширны (и что затронуты все восемь долей коры моего мозга). Я был смертельно болен, мой мозг был значительно поврежден, и это было ясно уже из имеющихся клинических фактов.

Практически все больные, которые так быстро впадают в кому из-за тяжелого граматрицательного менингоэнцефалита, к третьему дню болезни или начинают приходить в себя, или умирают. Мое затянувшееся существование где-то между этими конкретными состояниями тревожило врачей.

На седьмой день комы врачи побеседовали с моей семьей и еще раз объяснили, что при поступлении в реанимацию мои шансы на выживание равнялись приблизительно десяти процентам, но после недельного пребывания в коме снизились до ничтожных двух процентов. Гораздо хуже было то, что эти мизерные два процента говорили лишь о вероятности моего выхода из комы. Оценка возможности вернуться к качественной жизни была еще более неутешительной и равнялась нулю – никаких шансов на сколь-нибудь нормальную жизнь. Наилучшим, хотя и маловероятным, прогнозом был дом инвалидов.

Подлинная валюта участников опасных приключений – это ответственные решения, основанные на понимании ситуации, а не показная удалость.

Мои родные и друзья были, разумеется, подавлены этой мрачной картиной моего будущего. Каждый врач понимает, что при таком быстром впадении в кому и обширных неокортикальных повреждениях, доказанных неврологическим обследованием и экстремальными лабораторными показателями (уровень глюкозы в моей спинномозговой жидкости был 1 мг/дл при норме 60–80 мг/дл), полное медицинское восстановление элементарно невозможно. И все же оно произошло. Я не нашел ни одного другого пациента с моим диагнозом, которому посчастливилось полностью выздороветь.

В конце той утренней конференции меня попросили поделиться своими мыслями.

– Вся исключительность моего выздоровления, как мне кажется, бледнеет на фоне гораздо более важного вопроса, мучившего меня с тех пор, как я открыл глаза на больничной койке в реанимации. Как я мог вообще что-то переживать, если смерть моего неокортекса столь хорошо доказана? Особенно такие яркие и сверхреальные приключения? Как это могло случиться?

В тот день я смотрел на лица моих коллег и видел не более чем тусклое отражение моего собственного изумления. Кого-то удовлетворит упрощенное предположение, что мои переживания были бредом или галлюцинацией. Но люди, ухаживавшие за мной, знали неврологию достаточно хорошо и понимали, что столь сильно поврежденный мозг не может создать даже жалкое подобие моих необычных, подробных и сложных переживаний. Они говорили, что ощущают здесь некую тайну. Я знал, что в конечном счете должен сам искать ответы. Готовое объяснение моего опыта не выстраивалось, и я чувствовал, что обязан лучше во всем этом разобраться.

Я задумал написать статью для журнала по неврологии, чтобы показать существенные недостатки нашего научного понимания роли неокортекса в развернутой сознательной деятельности. И надеялся углубиться в проблему ума-тела, а может быть, даже частично нащупать объяснение принципа работы сознания. Я изо всех сил старался не подгонять это объяснение под научно-материалистическое мировоззрение, которым обладал до комы, и считал, что мой заблокированный на неделю мозг способен разгадать природу моих переживаний.

Огромную помощь в осознании моего опыта мне оказали коллеги, которых я уважаю как по-настоящему непредубежденных и умных людей. Большинство врачей, обсуждавших со мной мою болезнь, было заинтриговано и поддержало меня. Мы рассмотрели множество предположений, пытаюсь объяснить мое переживание как порождение мозга. Мы переносили источник моего перцептивного опыта из неокортекса в другие части мозга (в таламус, базальные ядра, мозговой ствол и так далее) и допускали, что осознание возникло тогда, когда мой неокортекс еще был активен.

По сути, мы пытались объяснить мое потустороннее путешествие, основываясь на распространенном мнении о том, что мозг необходим для любого рода сознательного понимания. За почти три десятилетия ежедневной работы с больными с нарушениями сознания я часто сталкивался со сложными задачами и пришел к убеждению, что мало знаю о взаимоотношении мозга и ума и не понимаю природу сознания. Современная неврология уверилась, что все наши человеческие качества, связанные с речью, рассудком, мышлением, слуховым и зрительным восприятием, эмоциями и тому подобным, – в сущности, все качества психического опыта, который становится частью нашего человеческого сознания, – непосредственно извлекаются из неокортекса. Несмотря на то, что другие, более примитивные (и глубокие) структуры, упомянутые выше, вносят определенный вклад, все основные элементы сознательного опыта требуют высококачественного нейронного калькулятора – неокортекса.

До комы я признавал официальную позицию нейробиологии и твердо верил, что физический мозг формирует сознание из физической материи, а значит, наше существование – это путь «от рождения до смерти» и ничего больше. Такая болезнь, как бактериальный менингоэнцефалит, становится идеальной моделью человеческой смерти, ведь она разрушает преимущественно ту часть мозга, которая отвечает за наш человеческий психический опыт.

Спустя несколько месяцев после комы я вернулся к работе и поехал в Тусон на ежегодное собрание Общества термальной медицины, которое проводилось в поддержку исследований Фонда фокусированно-ультразвуковой хирургии. Когда в ту солнечную пятницу я летел из Шарлотты в Феникс, меня больше всего радовала предстоящая встреча с доктором Алланом Гамильтоном, моим старым другом и коллегой.

Мы с Алланом стали верными друзьями, когда с 1983 по 1985 год вместе работали в нейрохирургической лаборатории Массачусетского многопрофильного госпиталя в Бостоне. Мы провели бок о бок долгие часы. Иногда мы засиживались до позднего вечера, обсуждая разные лабораторные протоколы, методы и проекты и сокрушаясь над бесконечным потоком несовершенств подобных научных работ. Мы находились на передовой и знали свое дело.

Наша дружба вышла за рамки совместной нейрохирургической подготовки, и однажды в середине 1980-х годов я оказался вместе со Старым Горцем Гамильтоном (так я называл его, когда мы выезжали на природу) в горах. Мы карабкались по крутому склону одного из самых известных на северо-востоке США пиков. Мы поднялись на Готикс и Марси (два высочайших пика гор Адирондак, расположенных в штате Нью-Йорк) и гору Монаднок в Нью-Гемпшире. Там из-за бурана нам пришлось заночевать в лагере. Последним, что мы видели тем вечером в стремительно гаснущих сумерках, был вертолет Красного Креста УН-1Н, который эвакуировал менее удачливого туриста с горы над нами. И, конечно, мы хотели покорить гору Вашингтон, которая славилась чуть ли не самыми худшими погодными условиями на Земле. Мы с Алланом испытали их на себе.

Как опытный турист и участник операций армии США на горе Мак-Кинли на Аляске¹, Аллан достиг совершенства, проповедуя мне, что без подготовки и знаний мы не сможем благополучно подняться на выбранные нами пики. В качестве предварительной подготовки к восхождению на вершину горы Вашингтон, Аллан попросил меня просмотреть отчеты о погибших там за последние несколько десятилетий альпинистах. Мы начали подъем за час до рассвета. Ветер порывами до ста километров в час и усиливавшийся снегопад снизили видимость так, что мы едва могли разглядеть следующий каирн (грудку камней, отмечающую тропу в таких безжизненных пейзажах). Это не удивительно. Однажды здесь была зафиксирована рекордная для всей планеты скорость ветра, триста семьдесят километров в час.

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК, СОЗДАННЫЙ ОПИСЫВАТЬ ЗЕМНЫЕ
ЯВЛЕНИЯ, ЯВНО НЕДОСТАТОЧЕН ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОКАЗАТЬ
ПОРАЗИТЕЛЬНУЮ СИЛУ БЕЗУСЛОВНОЙ ЛЮБВИ, ЕЕ ПОЛНОЕ
ПРИНЯТИЕ БЕЗ ОСУЖДЕНИЯ И ОЖИДАНИЙ.**

Меня охватило огромное облегчение, когда мы ввалились в Хижину озера облаков², последнюю из восьми каменных крепостей Президентского хребта, построенных как временные убежища для горных туристов. Учитывая такие жуткие постоянные ветры, то, что эти каменные хижины тянутся цепью по горному ландшафту, казалось мне совершенно оправданным.

Как мой наставник, в этой ситуации Аллан предложил мне сделать выбор.

– Стоит ли нам продолжать восхождение? – спросил он.

Аллан специально просил меня прочесть отчеты о погибших на горе Вашингтон, и сейчас мне предстоял итоговый экзамен. Погода здесь может измениться в любой момент, и он хотел, чтобы я решил, сможем ли мы продолжать наше восхождение, невзирая на сильный буран.

Благодаря занятиям спортом, особенно парашютным, которым я увлекался все четыре года учебы в колледже Университета Северной Каролины в Чапел-хилл, я знал, что подлинная валюта участников таких опасных приключений – это ответственные решения, основанные на понимании ситуации, а не показная удача. Фигуры в свободном падении не выстроишь без умения сохранять хладнокровие независимо от сложности условий – в небе не место для диких ковбоев. Так же и здесь, в «местах для сильных духом», Аллан заслуживал наилучшего решения, на которое я был способен.

– Может быть, нам стоит вернуться, – сказал я наконец, не желая отказываться от нашей заветной цели, но в глубине души зная, что это единственное верное решение.

– Правильный выбор, – тихо сказал Аллан, и мы стали паковать снаряжение, собираясь покинуть безопасную и удобную каменную крепость. Он толкнул дверь, мы вышли под бешеный ветер и начали тяжелый спуск с горы.

Однако судьба смеялась над нами: когда мы спустились ниже границы лесов, погода резко изменилась. Облака разошлись, температура поднялась выше нуля, и мы смогли повернуть назад и под сияющим солнцем, раздевшись до футболок, подняться на вершину и полюбоваться захватывающими дух видами. Один из последних отрезков нашего маршрута проходил по огромной березовой роще. Никогда не забуду кристально-голубые небеса, застывшие над изящной красотой белых стволов. Ярко-золотые листья еще кое-где держались на ветвях в пре-красном неповиновении суровой, быстро надвигающейся зиме. Тонкость урока, преподанного нам в этот день, и триумф, которым нас вознаградили за доверие своей интуиции и связь с

¹ Высота горы Мак-Кинли составляет 6190 метров, это самый высокий пик Северной Америки. Позже его переименовали в Денали. – *Прим. редактора.*

² Хижина озера облаков – самая большая и самая популярная хижина из восьми Высоких хижин Белых гор, высокогорных приютов для туристов. Построена в 1901 году после гибели двух путешественников.

природой, аналогичны тем судьбоносным переменам в мировоззрении, с которыми я свыкался все девять лет после комы.

Действительно отличный выбор!

Несмотря на то что более примитивные (и глубокие) структуры вносят определенный вклад, все основные элементы сознательного опыта требуют высококачественного нейронного калькулятора – неокортекса.

Я уважаю Аллана за глубокий ум, высокую проницательность и живительное чувство юмора. Он превосходный ученый, что совершенно очевидно, если посмотреть, как стремительно его карьера идет в гору. После нашей совместной работы Аллан продолжил учебу, прошел программу повышения квалификации для нейрохирургов в многопрофильном госпитале штата Массачусетс и стал профессором в Аризонском университете в Тусоне, где досрочно не только до поста завкафедрой нейрохирургии, но и до должности заведующего хирургическим отделением. Аллан – настоящая звезда академической нейрохирургии.

Итак, я вылетел в Тусон на собрание Общества термальной медицины через несколько месяцев после комы, предвкушая встречу с Алланом как важнейшее событие поездки, – и не разочаровался! Он встретил меня на блестящей синей машине Smart car и повез к себе домой на коневодческое ранчо неподалеку от Тусона. По дороге мы коротко рассказали друг другу о том, как жили с нашей последней встречи.

Аллан сосредоточенно слушал меня и тогда, когда мы сидели в его кабинете, полном книг и памятных вещей, пока сумерки пустыни гасли в больших окнах. Фактически я не только пересказал ему свои воспоминания о глубокой коме, но и дал полную медицинскую информацию, столь обескураживающую, что она исключала всякую возможность объяснить случившееся бредом или галлюцинациями. Как многие мои коллеги, Аллан ощутил дыхание тайны, когда попытался проанализировать мою болезнь, и очень воодушевился крайней редкостью таких выздоровлений. Я знал, что могу рассчитывать на его помощь в поисках объяснения того, как стали возможны столь яркие переживания в условиях разрушенного неокортекса.

По счастливой случайности, за неделю до того я получил окончательный удар по научным попыткам объяснить свой опыт. Мне пришла фотография родной сестры, которую я никогда не видел, и я получил подтверждение того, что мои воспоминания о коме реальны. Как знают читатели «Доказательства рая», я был поражен, узнав на фотографии потерянной родной сестры прекрасную спутницу, что сопровождала меня по иным мирам, пока мое тело лежало в глубокой коме. Аллан испытал то же потрясение, когда я рассказал ему об этом.

– Это чистое золото, – сказал он, посидев после моего долгого рассказа в глубокой задумчивости. – Чистое золото, – повторил он, и его жена Джейни, подсевшая к нам, пока я говорил, согласилась с ним.

– Тебе нельзя не позавидовать, я бы хотела пережить то же, что и ты! – добавила она.

Аллан сказал, что, по его мнению, моя история дает гораздо более серьезное и глубокое понимание взаимосвязи ум-тело. Если мы рассмотрим ее с открытым умом, а не сквозь ограниченную оптику научного мировоззрения, то мой опыт поможет нам выйти за пределы поверхностного представления о сознании и взаимосвязи разума и мозга. Даже более того, о самой природе реальности.

– Тебе должно это понравиться, – сказал Аллан, подписывая и вручая мне экземпляр своей недавно изданной книги «The Scalpel and the Soul: Encounters with Surgery, the Supernatural and the Healing Power of Hope» («Скальпель и душа: встречи с хирургией, сверхъестественным и целительной силой надежды»). До этого разговора мы никогда не обсуждали сверхъестественное, и для меня оказалось неожиданностью, что он питал к этому интерес и даже написал об этом книгу. Но, оглядываясь назад, я понимаю, что многие люди с аналитическим складом ума осознанно избегают выносить такие темы на суд своих коллег и партне-

ров, ведь те удивились бы подобной несерьезности. Аллан, занимавший престижные академические должности, проявил смелость, которой недостает очень многим.

Я лишь недавно позволил себе читать книги на такие темы, так что проглотил все двести семьдесят две страницы книги Аллана, пока летел обратно на восток. Я нашел в ней убедительную подборку историй из жизни широко мыслящего нейрохирурга, настежь открывшего двери нашей истинной духовной природы. Его личные истории о предсмертных видениях, предчувствиях, ангелах и поразительной силе веры и любви, помогающей достичь полного исцеления души, тронули меня до слез.

Один такой пример – история о бабушке, которая всю жизнь заботилась о внуке-инвалиде, а теперь борется с прогрессирующим раком яичника и может умереть через несколько месяцев. Но кто после ее смерти позаботится о бедном ребенке? Вера бабушки помогает ей опровергнуть прогнозы врачей, так что в итоге она переживает своего врача и присутствует на свадьбе внука, который, судя по всему, тоже выигрывает от непоколебимой стойкости своей бабушки: несмотря на ограниченные физические возможности, он становится мастером своего дела. Научная интуиция Аллана в сочетании с глубоким знанием истинной сущности души, удачно приправленная юмором, подхлестнула меня в собственных поисках.

Другого отличного слушателя я нашел в лице Майкла Салливана, который сидел у моей постели в больнице. Майкл был священником церкви, в которую я ходил после переезда в Линчберг. Никогда прежде я не просил у него совета – до комы у меня не было в этом потребности.

Мы подружились благодаря тесному общению его сына Джека с моим младшим, Бондом. Они познакомились, когда Бонд учился в третьем классе дневной школы Джеймса Ривера, и мы стали ходить семьями на школьные бейсбольные игры Малой лиги³. Хотя Майкл священник, он был для меня скорее замечательным соседом и близким другом, нежели духовным наставником. Пусть я иногда и ходил в церковь, наши беседы были сугубо мирскими. Как многие состоявшиеся церковные деятели, он преуспел в искусстве проявлять по отношению ко мне духовное милосердие, хотя тогда я не догадывался об этом.

Майкл был рад, что я смог опровергнуть ужасные прогнозы моих врачей. Он готовился провести мои похороны (которые казались неизбежными всю неделю моей комы) и утешать мою семью, а вместо этого восхищался обстоятельствами моего выздоровления. Он, как ребенок, радовался чудесам, особенно телевизионным историям исцелений, когда, к примеру, кто-то в инвалидном кресле вдруг встает на ноги, стоит только ревностному пастору притронуться к его голове. Он признавал, что это постановочные чудеса, в которые верят только наивные зрители, но сам смотрел такие передачи с жадным любопытством. После долгих лет размышлений над правдивостью «чудес», мое выздоровление вызвало в нем настоящее смятение. Одно дело – прочесть о подобных явлениях в книге или увидеть их по ТВ, и совсем другое – оказаться в центре событий у постели близкого друга, стать непосредственным свидетелем загадочного исцеления.

В первые месяцы после выхода из комы я встречался с Майклом в «Старбаксе». Мы сидели и разговаривали, и наша беседа неизменно сворачивала к моим воспоминаниям о пережитом в коме. Благодаря этому откровенному общению мы смогли донести друг до друга наши взгляды на случившееся.

Я сказал Майклу, что побывал в идиллическом раю, напоминающем Землю, – в плодородной, покрытой пышной растительностью зеленой долине, полной жизни и творения: растений, цветов и распускающихся бутонов. Я был в мире, больше напоминающем платоновский мир форм (из его труда «Тимей»), и суть этого мира была совершеннее, чем она представляется нам в нашем земном мире. То, что я называл Вратами, было лишь первым шагом к Ядру,

³ Бейсбольная лига для мальчиков и девочек 8–12 лет.

в которое я попал, поднимаясь сквозь все более высокие измерения пространства и времени. Ядро само было источником всего, наивысшей недвойственностью подлинной целостности. Я знал, что многомерная Вселенная – это непередаваемо сложная, включающая в себя все сущее модель концепции – всего пространства, времени, массы, энергии, взаимосвязей, каузальности и много чего еще, что я не умел выразить словами. За пределами всего этого я ощутил силу безграничной и безусловной любви, квинтэссенцию неопишуемой любви. Я купался в источнике всего сущего. Это ощущение не передать словами, хотя оно было так шокирующе определено и реально, что я никогда его не забуду. Человеческий язык, созданный описывать земные явления, явно недостаточен для того, чтобы показать поразительную силу этой любви, ее полное принятие без осуждения и ожиданий.

Материальный мир – всего лишь малая толика реальности, большая часть которой остается невидимой для нашего обычного восприятия.

– Твое описание напоминает мне труды раннехристианских мистиков, – сказал мне Майкл. – У меня есть книга, которая, возможно, пригодится тебе даже больше твоих книг по неврологии. Я занесу ее сегодня вечером.

Когда я вернулся домой, то нашел на ступеньке дома книгу «Light from Light: An Anthology of Christian Mysticism» («Свет от света: антология христианского мистицизма»), сборник восхитительных произведений авторов, описывавших важные и судьбоносные духовные события, некоторым из этих событий было почти тысяча лет. Я надеялся найти в них откровения.

Мои знания о христианстве тогда ограничивались очень кратким перечнем общеизвестных сведений, характерных для человека, получившего традиционное религиозное воспитание в Северной Калифорнии. Мистицизм – не то качество, которое я привык ассоциировать с христианством. Эта книга была моим первым знакомством с мистиками, активно перемещающимися по духовным мирам и знающими, что материальный мир – всего лишь малая толика реальности, большая часть которой остается невидимой для нашего обычного восприятия. Я удивился силе и разнообразию таких произведений. От Оригена в начале III века, Бернарда Клервоского (XII век), Франциска Ассизского (начало XIII века), Майстера Экхарта, Юлианы Норвичской (XIV век), Терезы Авильской (XVI век) и далее до Терезы из Лизьё в XIX веке – все эти путешествия казались мне знакомыми.

Проникновенные мистические рассказы указывали человечеству путь к пониманию скрытой природы Вселенной. Удивительные переживания глубин духовного мира были основой всех религий. Личный опыт – это величайший учитель, и рекомендованная Майклом антология христианского мистицизма помогла мне получить более многогранное толкование моих собственных как будто бы необъяснимых переживаний. Но важнее то, что они ясно показали, что все пути к духовному знанию включают в себя путешествие в сознание.

Спустя несколько месяцев обсуждений моего опыта с надежными друзьями и коллегами я очень расширил территорию своих исследований, весьма далеких от знакомой мне базы знаний. Общепринятый подход к таким делам, как мое, сводился к желанию замолчать их, объявить неуместными и признать необъяснимыми. Но мои доверенные лица понимали затруднительность моего положения и поддерживали мои попытки постичь произошедшее со мной. Во время моей комы случилось что-то важное, и мне очень хотелось основательнее во всем разобраться.

Глава 2

Действительно трудная проблема

«Величайшая тайна науки – природа сознания. Не то чтобы у нас имелись неудачные или несовершенные теории человеческого сознания – таких теорий у нас попросту нет. Почти все, что мы знаем о сознании, – это то, что оно имеет некое отношение скорее к голове, чем к ноге».

Ник Герберт, физик

Когда я пришел в себя в палате интенсивной терапии, на койке номер десять, я не помнил ничего о своей жизни до комы. У меня не было личных воспоминаний о жизни на планете Земля. Все, что я знал, – это фантастические странствия, из которых только что вернулся, – потрясающее путешествие, которое, как мне показалось, длилось долгие годы, хотя уместилось в семь земных дней. Весь багаж прожитой жизни, включая религиозную веру, личные воспоминания и научные знания, приобретенные за более чем двадцать лет работы ученым-неврологом, исчез без следа.

Когда воскресным утром я вернулся в этот мир, мой мозг был разрушен. Даже слова и речь были стерты, хотя они стали возвращаться уже в первые часы пробуждения. Сначала я объяснял эту странную амнезию обширным неокортикальным повреждением, на котором настаивали мои врачи. Традиционное неврологическое образование постулировало, что воспоминания хранятся в мозге и отчасти в неокортексе, и я поначалу мыслил столь же стандартно.

Речь вернулась ко мне за несколько недель уже после возврата многих личных воспоминаний, медленно и спонтанно. Медсестры были добры и позволили моим сестрам Бетси и Филлис спать на койках рядом с моей больничной кроватью и нести постоянное семейное дежурство в палате. Сразу после выхода из комы мне было очень трудно спать. Сестер беспокоила моя бессонница и возбуждение, и они пытались усыпить меня рассказами о наших поездках на каникулы, когда мы были детьми.

Меня заинтриговали эти необычные истории, о которых поначалу я ничего не помнил. Однако через несколько дней у меня в голове стали всплывать смутные обрывки воспоминаний, которые совпадали с завораживающими историями, рассказанными мне сестрами в те странные дни (и ночи), когда мой поврежденный мозг пытался восстановиться. Личные воспоминания восстанавливались три недели. Знания физики, химии и неврологии (семантическая память) возвращались около двух месяцев. Объем вернувшихся воспоминаний поражал меня, особенно когда я внимательно просматривал свою медицинскую карту и обсуждал свою болезнь с коллегами, которые меня лечили. Постепенно я осознал, насколько был болен. Такие пациенты не выживают, а тем более не переживают необычный духовный опыт и не рассказывают о нем, полностью поправившись. И как все это расценивать?

Поразителен уже тот факт, что я помнил события, происходившие со мной во время комы. Если бы мне рассказали подробности моей истории до того, как я заболел, я бы очень уверенно сказал, что такой пациент не может испытывать ничего, кроме самых основных рудиментов сознательного опыта, и, разумеется, ничего не помнит. И был бы в корне неправ.

Нейробиологи считают формирование новых воспоминаний серьезным процессом, который в ослабленном мозге становится неполон и несвязен. Вот почему так много заболеваний головного мозга заканчиваются частичной или полной потерей памяти о периоде болезни. Даже после того, как пациенты выходят из комы и общаются с окружающими, их мозг оказывается неспособен запоминать новые впечатления еще много часов, дней или даже недель. Заметьте, что долгосрочная память не так энергозатратна. Поэтому люди, потерявшие память, сложнее всего восстанавливают недавние события, к примеру, что они ели на завтрак (и

даже завтракали ли вообще), хотя память о детстве и других давних жизненных моментах им доступна.

Примечательно и то, что мои воспоминания о переживаниях в глубокой коме со временем не исчезали. После того как я пришел в себя, я примерно тридцать шесть часов находился в психическом кошмаре параноидального бреда, совершенно отличного от ощущения сверхреальности, пережитого мной за неделю болезни. Я считал, что раз все воспоминания (и сверхреальные духовные, и послекоматозные параноидальные) являются галлюцинациями моего заблокированного мозга, как-то пропущенными поврежденным неокортексом, то со временем они станут менее яркими. К моему удивлению, разница между этими двумя группами воспоминаний была огромной. Сверхреальные воспоминания глубокой комы были отчетливыми, а воспоминания психотического кошмара – эфемерными и мимолетными (и исчезли через несколько недель). На самом деле, мои воспоминания о глубокой коме остаются неизменными и ясными и сегодня.

Я стал понимать, что это мое испытание можно считать околосмертным переживанием (ОСП), и жаждал больше узнать о подобных случаях, чтобы сравнить их с моим. Но прежде чем погрузиться в чтение, первые шесть недель я посвятил тому, чтобы тщательно записать все, что мог вспомнить о своих переживаниях в глубокой коме и начале выздоровления. А затем начал усердно искать иные свидетельства подобного опыта.

Одной из первых я обнаружил книгу доктора Рэймонда Моуди «Жизнь после жизни» 1975 года, популяризовавшую термин «околосмертные переживания». Любовь и поддержка Вселенной, которую ощутили сотни пациентов, описанные доктором Моуди, глубоко и точно перекликались с тем, что я помнил из своих переживаний. Слова, которые он подбирал, казались мне искаженными ограничениями земного языка и не способными описать эти неземные путешествия. Это оживило во мне острые, хотя и непередаваемые воспоминания о собственном опыте.

Воспоминания об околосмертном опыте резко отличаются от снов или галлюцинаций. Они подсказывают, что наш материальный мир – только одна форма реальности из всех возможных.

Описания духовного мира как более фундаментальной реальности, чем наша земная, обрели для меня очевидный смысл. Я был до глубины души поражен тем, что другие люди переживали необыкновенные приключения, в то время как их считали мертвыми. Если бы все происходило так, как это представляет материалистическая неврология, если бы их сознание было полностью выключено, а мозг не функционировал, то у них вообще не должно было остаться никаких воспоминаний. Я очень хотел выяснить, как возникают эти переживания.

До комы я уделял ничтожно мало внимания литературе об ОСП и не знал, что отличительная черта потусторонних видений – их устойчивость на протяжении долгого времени, в отличие от земных воспоминаний, снов и галлюцинаций. Ученые исследовали удивительную стабильность таких воспоминаний и доказали, что их содержание десятилетиями остается неизменным, в то время как большинство других воспоминаний немного меняются каждый раз, когда мы к ним обращаемся.

Другое важное качество ОСП касается ощущения сверхреальности. Я был потрясен своими воспоминаниями о коме – они были «слишком реальными, чтобы быть реальностью», особенно события во Вратах и восхождение к Ядру абсолютного единства. Чтение книг открыло мне, что более половины переживших ОСП столкнулись с чувством обостренной реальности. Я бы согласился с теми, кто считает нашу обычную реальность больше похожей на сон, чем насыщенные трансцендентные ОСП. Воспоминания об околосмертном опыте резко отличаются от снов или галлюцинаций. Они подсказывают, что наш материальный мир – только одна форма реальности из всех возможных.

Бельгийский невролог Стивен Лорис, разделяющий мой глубокий интерес к ОСП, в марте 2013 года рассказал мне об интригующем исследовании воспоминаний пациентов, побывавших в коме⁴. Ученые оценивали три группы людей – восемь случаев с ОСП, что установлено с помощью теста ОСП Грейсона, шесть без ОСП, но с воспоминаниями о коме, и семь без воспоминаний о коме. Их сравнивали с восемнадцатью здоровыми добровольцами того же возраста. Специальная анкета помогла проанализировать пять типов воспоминаний: целевые (ОСП для первой группы, воспоминания о коме для второй и первые детские воспоминания для третьей и контрольной групп), старые и свежие воспоминания о реальных событиях и старые и свежие воспоминания о воображаемых событиях. Так как околосмертные переживания считаются высокоэмоциональными, всех участников эксперимента попросили выбирать самые яркие воспоминания.

Ученые пришли к выводу, что воспоминания об околосмертных переживаниях отличаются от любых других видов воспоминаний о реальных или воображаемых событиях, а также воспоминаний о коме. Фактически они доказали, что ОСП нельзя считать воображаемыми. Им пришлось признать, что эти события действительно случились и их сверхреальная природа поистине удивительна и не имеет аналогов.

В 2014 году Арианна Пальмери и ее коллеги из Университета Падуи в Италии опубликовали интересное исследование о необычных характеристиках воспоминаний об ОСП. Они использовали гипноз, чтобы больше узнать об этих исключительных переживаниях, и обнаружили, что их детализация, эмоциональная сила и самореферентность напоминают скорее воспоминания о реальных событиях, чем о снах и других воображаемых событиях⁵.

Первоначально мои попытки разобраться подавлялись моими же гипотезами о природе мозга и ума. Но сверхреальность было трудно объяснить, оставаясь в рамках моей старой парадигмы. Если мозг порождает сознательное понимание, а неокортекс (как самый мощный калькулятор в системе обработки информации мозга) необходим для создания любого подробного сознательного понимания, тогда почему прогрессирующий отказ моего неокортекса не повлиял на такое астрономическое повышение детальности, многослойности и смыслового наполнения видений? Я месяцами бился над этой головоломкой, и в итоге мое мировоззрение стало меняться.

Чем больше я читал о научных исследованиях ОСП, тем чаще наткнулся на край гигантской пропасти. Постепенно все становилось гораздо серьезнее, не так, как при моем первом знакомстве с этой темой. Новое знание теперь напоминало астероид, уничтожающий родную Землю! Все мои представления о природе реальности были разбиты. Должно быть, в самой основе нашего традиционного научного мировоззрения что-то неверно, на это ясно указывают необычайные человеческие переживания. Но что именно? Насколько основательно мне нужно разрушить свои базовые убеждения и изменить их, чтобы суметь во всем разобраться?

По сути, я искал новые принципы, способные объяснить ОСП более точно и всесторонне, чем консервативная наука. К своей большой радости, я обнаружил, что серьезные ученые уже десятилетиями, если не столетиями, исследовали эти явления. И волею случая один из самых известных из них работал недалеко от меня.

Доктор Брюс Грейсон, удивительно мягкий человек, психиатр из Университета штата Вирджиния в Шарлотсвилле, начал изучать ОСП в начале 1970-х годов. Он был заинтригован рассказами людей о ярких трансцендентных событиях, случившихся с ними в то время, как их тела были разрушены болезнью. Он разработал тест для выявления общих признаков око-

⁴ Статья Тоннарда М., et al. «Characteristics of near-death experiences memories as compared to real and imagined events memories». PLOS ONE 8, 2013, 3. Доступна по ссылке <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0057620>.

⁵ Статья Пальмери А., et al. «Reality of near-death-experience memories: evidence from a psychodynamic and electrophysiological integrated study». Frontiers in Human Neuroscience 8, 2014. Доступна по ссылке doi.org/10.3389/fnhum.2014.00429.

лосмертных переживаний. В его анкете были такие вопросы, как «Можете ли вы назвать свои чувства более сильными, чем обычно?». Грейсон анализировал результаты, чтобы классифицировать интенсивность околосмертного переживания в сравнении с другими.

Как практикующий психиатр, он мог отличить такие переживания от обычного психоза и шизофрении. Одной из особенностей ОСП является то, что у людей, переживших их, благотворно меняются убеждения, мироощущение и ценности. Врачебное наблюдение показывает, что такой эффект длится годами, даже всю жизнь. При психических расстройствах такого обычно не происходит.

Доктор Грейсон опубликовал более ста статей в знакомых мне медицинских журналах и более двадцати лет проработал редактором «Журнала исследований околосмертных переживаний». Естественно, ему было интересно узнать подробности моего переживания, а я понимал, что он является неиссякаемым источником информации, необходимой в моем исследовании. В то время доктор Грейсон был директором Отдела исследований восприятия в Университете штата Вирджиния. После нашей многомесячной переписки он пригласил меня выступить на одном из их еженедельных собраний. И какова же была тема этих собраний? Сознание!

Когда я ехал в Шарлотсвилл, то понял, что буду выступать во вторую годовщину своего выхода из комы (с точностью до часа) – подходящий день! Просмотрев веб-сайт Отдела исследований восприятия, я был изумлен масштабом их работы по изучению проблем сознания, и особенно нелокального сознания (это когда мы знаем что-то независимо от наших физических чувств и ограничений пространства и времени). Все сотрудники Грейсона преследовали общую цель: выработать альтернативную теорию, которая описывала бы наше восприятие мира и компенсировала неспособность общепринятой парадигмы физикалистов (или материалистов) объяснить взаимоотношения ума и тела. Ученые-консерваторы не могли решить проблему мозга и ума, несмотря на громадное финансирование научных изысканий (большая часть бюджета шла на исследования мозга, а важное поле парапсихологии оставалось без финансирования). Доктрина физикализма – убеждение, что существуют только материальные вещи, – пока не смогла предложить сколь-нибудь толковое объяснение взаимоотношений ума-мозга.

Новая научная программа начала свое существование в 1960-х годах с работы доктора Яна Стивенсона, который изучал посмертные воспоминания у детей с использованием научных протоколов. Сегодня его дело продолжает доктор Джим Такер, нынешний директор Отдела исследований восприятия. Так ученые пришли к изучению нелокального сознания, то есть аспектов ума, проявляющихся вне наших физических чувств, – околосмертных переживаний, общения с умершими, телепатии, психокинеза, предвидения, предчувствия, внетелесного опыта, видения на расстоянии, посмертных воспоминаний у детей, свидетельствующих о реинкарнации, и других типов измененных состояний сознания. Особый интерес ученых заключается в том, чтобы использовать научную методологию для доказательства жизни души после смерти тела. Я понятия не имел о том, что такие исследования ведутся всего в полутора часах езды от моего дома.

Во время моей часовой презентации все присутствующие, тридцать или около того ученых, не проявляли сомнения, скептицизма или удивления, а многозначительно и понимающе кивали. Наша дискуссия перетекла в ланч в местном ресторане, и там я гораздо больше узнал об объеме исследований, проведенных в Отделе исследований восприятия.

Среди нас был доктор Эдвард Келли, в 1971 году получивший в Гарварде степень доктора наук по психолингвистике и когнитивной науке и потративший более пятнадцати лет на изучение парапсихологических (или паранормальных) явлений в Институте парапсихологии Д. Б. Рейна в Дареме, штат Северная Калифорния. Также он работал на кафедре электротехники в Университете Дьюка, где я учился на медицинском факультете. Мы работали и учились в одних и тех же учреждениях, пусть и в разное время.

В основе традиционного научного мировоззрения что-то неверно, на это ясно указывают необычайные человеческие переживания. Но насколько основательно нужно разрушить убеждения, чтобы суметь во всем разобраться?

Доктор Келли подарил мне экземпляр революционной книги «Irreducible Mind: Toward a Psychology for the 21st Century» («Неисправимый разум: на пути к психологии 21 века»), о которой я раньше не слышал. Прочитав ее, я понял, что упустил из виду огромный массив исследований феномена ОСП, воспоминаний о прошлой жизни у детей, мистических переживаний и других вариантов нелокального сознания. Это меня шокировало! Я узнал, что люди, работающие с ОСП, далеко продвинулись по тому пути, которым я только начинал идти. И с радостью осознал, что, как ни удивительно, множество ученых и медиков во всем мире уже признали традиционную материалистическую науку безнадежно отсталой и неподходящей для изучения сознания.

В прошлом веке люди очень многое поняли о человеческом мозге. После тысячи лет предположений о том, что происходит в наших головах, мы создали новые многообещающие инструменты для изучения физических процессов, протекающих в мозге. Начиная с 1970-х годов, компьютерная томография с помощью рентгеновских лучей позволяла создавать трехмерные изображения структур мозга. Несколько позже МРТ потрясюще детализировала нормальную и аномальную анатомию человеческого мозга. А затем фМРТ (функциональная МРТ) дала возможность конструктивно оценивать активность мозга, когда человек воспринимает, думает или двигается. За последние несколько десятков лет ученые получили беспрецедентный доступ к происходящему в мозге, и в поразительных подробностях.

ТЕОРИЯ ФИЛЬТРА НЕ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО МЫ ДОЛЖНЫ ВЫБРОСИТЬ ВСЕ НАШИ ПОСЛЕДНИЕ ОТКРЫТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С МОЗГОМ. ПРОСТО ОНА ЛУЧШЕ ОБЪЯСНЯЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ. НАШИ УМЫ – ЭТО ЧТО-ТО НАМНОГО БОЛЬШЕЕ, ЧЕМ ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ СИГНАЛЫ: МЫ НЕ ПРОСТО «РОБОТЫ ИЗ ПЛОТИ И КРОВИ».

Как нейрохирург, я пользовался привилегией участвовать в этой погоне за визуализацией и пониманием человеческого мозга. Я помогал разрабатывать передовые нейрохирургические технологии, такие как стереотаксическая радиохирургия (точно направленные пучки излучения лечат разнообразные аномалии мозга), операции под визуальным контролем (нам пришлось полностью модернизировать систему МРТ, чтобы мы могли проводить операции на человеческом мозге и одновременно видеть его изображение на сканере – так можно делать гораздо более безопасные и эффективные операции) и лечение фокусированным ультразвуком (а не просто ультразвуковое исследование) двигательных расстройств, опухолей, нарушений кровообращения мозга и болезни Альцгеймера. Сегодня мы, ученые и исследователи, очень много знаем о физиологии и функционировании мозга. И все же пока не можем ответить на самый главный вопрос: что такое сознание и откуда оно берется?

В мире нейронауки и философии мозга этот вопрос известен как «трудная проблема сознания». (Этот термин ввел эксцентричный австралийский философ Дэвид Чалмерс в своей книге 1996 года «Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории».) Многие ученые считают ее самой серьезной загадкой в истории человеческой мысли. Мы немало знаем о механизмах работы мозга, разобрали их до молекулярного уровня, но о сознании у нас до сих пор нет никаких сведений. Как вещество мозга производит сознающий разум? Какое оно имеет отношение к внутреннему наблюдателю, к той части нас, которая не только обрабатывает сигналы, но мыслит и даже рефлексивирует? Это ключевой вопрос, подбирающийся к сути того,

что делает нас нами. Но, несмотря на все достижения эволюционной биологии и исследования мозга, мы не знаем, как формируется наше фундаментальное бытие и откуда оно происходит.

Некоторые ученые готовы сдаться. Они до того обескуражены, что оставляют надежду выяснить, как сознание рождается из физических процессов в головном мозге. Другие заявляют, что сознания вообще не существует, или откладывают решение проблемы на потом. Неуместно напоминать, но самые логичные объяснения – те, что полностью противоречат актуальной модели нейронауки о «мозге, создающем сознание» (материалистической). Как ни странно, когда ученые встают перед фактом, что нет вообще даже намеков на теорию, объясняющую, как мозг создает сознание, многие из них пожимают плечами и идут мимо. Для них эта трудная проблема попросту... слишком трудна.

Чалмерс понял кое-что в 1996 году, но он был не первым и не последним человеком, получившим некоторое представление об этой великой тайне. Отец квантовой физики и лауреат Нобелевской премии по физике 1918 года Макс Планк сказал: «Я считаю сознание первичным. Я рассматриваю материю как производное от сознания. Сознание невозможно обойти стороной. О чем бы мы ни говорили, что бы ни считали существующим – все постулирует первичность сознания». Другой основоположник квантовой физики Эрвин Шрёдингер (Нобелевская премия по физике 1933 года) сказал: «Хотя я согласен, что жизнь может быть результатом случайности, не думаю, что сознание тоже. Сознание нельзя объяснить физическими терминами, оно совершенно фундаментально. Его нельзя объяснить как-то иначе». И, как совсем недавно сформулировал философ из Ратгерского университета Джерри А. Фодор, «никто не имеет ни малейшего представления о том, как материальное может быть сознательным. Никто не знает, что значит хотя бы иметь представление, как нечто материальное может быть сознательным. Вот вам и вся философия сознания».

Ученые вне формальных границ нейронауки, особенно физики, также постигли громадность «трудной проблемы сознания». Эдвард Виттен, всемирно известный авторитет, один из тех передовых математиков, которые пытаются увязать квантовую физику с релятивизмом через теорию струн, сказал: «Мне намного легче представить себе “большой взрыв”, чем представить, как можно понять сознание». Ясно, что этот нерешаемый вопрос стал чем-то вроде идеи фикс – бесконечными поисками самых выдающихся мыслителей из разных областей знания.

Как исследователи науки и разума, мы готовы изучать мир научными методами: с помощью снимков КТ, МРТ и всех других технических средств современной медицины. Однако некоторые ученые становятся жертвой идеи, что все должно определяться с помощью этих инструментов. А что, если мы используем не те методы, потому что не совсем понимаем, что ищем? Что, если более глубокое понимание человеческого сознания и его истоков приходит в форме не белой вороны, а черного лебедя – чего-то совершенно неизвестного и настолько невообразимого в нашей сегодняшней ментальности, что оно как бы и не существует, пока сам с ним не столкнешься?

Функциональная МРТ дала возможность конструктивно оценивать активность мозга. За последнее время ученые получили беспрецедентный доступ к происходящему в мозге, и в поразительных подробностях.

То, что испытал я, и что испытали миллионы других людей, прошедших через околосмертные переживания и другие духовно преобразующие переживания, – это черный лебедь, которого мы не знали, где искать. Мы не смогли опознать его с помощью спектрального анализа ЭЭГ, фМРТ или любого другого научного метода, но он спрятан на самом видном месте.

Некоторые современные научные теории, завоевывающие сферу исследований сознания, связаны с совершенно другим пониманием взаимоотношений ум-мозг. Они называют мозг редуccionным клапаном, или фильтром, понижающим изначальное сознание до тонкой

струйки – нашей весьма ограниченной человеческой осведомленности о «здесь и сейчас». Физический мозг пропускает лишь определенные формы осознанности из большой группы возможных ментальных состояний. Тогда получается, что сознание можно раскрепостить до гораздо более высокого уровня, освободить от оков физического мозга, как это произошло со мной в коме.

Научные импликации поразительны и подразумевают существование жизни после смерти. Но это только начало. Когда мы принимаем за истину примеры исключительных потенциальных возможностей человека (гениальные творческие способности, телепатию, психокинез, предвидение и память о прошлых жизнях), мы начинаем понимать, что скрытые сверхспособности есть у всех, и мы можем культивировать и совершенствовать их. Я был в восторге от громадного поля человеческих возможностей, открывающегося перед нами благодаря этому более широкому пониманию сознания. Если такие способности достижимы для всех, то человеческий потенциал просто поразителен!

Эта идея была новой для меня, но не для мира. Знаменитости конца XIX и начала XX века, включая Уильяма Джеймса⁶, Фредерика У. Х. Майерса, Анри Бергсона, Ф. К. С. Шиллера и Олдоса Хаксли, выступали за серьезную разработку теории фильтра. Канадский специалист по эпилепсии Уайлдер Пенфилд, один из самых выдающихся нейрохирургов XX века, в 1975 году написал книгу «Мозг. Тайны разума», в которой подытожил дело своей жизни и привел доказательства того, что сознание (включая свободу воли) не порождается мозгом. Теория фильтра не означает, что мы должны выбросить все наши последние открытия, связанные с мозгом, – вовсе нет. Просто она лучше объясняет человеческие переживания, и обыденные, и необычные. Я стал понимать, что наши умы – это что-то намного большее, чем электрические сигналы: мы не просто «роботы из плоти и крови», как утверждают некоторые.

Чем больше я размышлял, тем лучше понимал, что люди уже давно знают об этом. Почти все религии и философские традиции говорят о том, что какая-то часть нашего существа живет отдельно от физического тела. Даже те из них, что не дают ясного представления о загробной жизни, включают в себя какие-то ритуалы или практики, нацеленные на подключение человека к божественному и к его собственному расширенному, неограниченному сознанию. Практики каббалы, христианский мистицизм, суфийская медитация, буддистское самоосознание и молитва – все это способы, которыми люди достигают большего чувства осознанности и связи с миром невидимого.

Такое разнообразие подтверждает: на каком-то уровне большинство из нас знает, что в жизни есть нечто помимо видимого. Мы могли бы найти эту глубокую связь с Богом через молитву или медитацию, а то и просто ощущение, что мы подключены к чему-то большему, чем мы сами. Вы когда-нибудь оказывались одни в красивом месте? Ощущали вдруг безопасность и связь с Богом? Вот о чем я говорю. То, что я узнал – и что испытали многие другие люди, имевшие околосмертный и иной духовно трансформирующий опыт, – это полная осознанность, как будто ты, наконец, смог увидеть что-то, прятавшееся за пределами твоего бокового зрения. Истина окружает нас повсюду, и временами мы замечаем ее проблески. Но как лучше познать ее?

⁶ Джеймс У. «Human Immortality: Two Supposed Objections to the Doctrine». 2nd ed, Boston: Houghton, Mifflin, 1900. Оригинальная работа опубликована в 1898 году.

Глава 3

Наука плюс духовность

«Наука не просто совместима с духовностью, она есть великий источник духовности».

Карл Саган, американский астроном

Разумеется, мой мир пошатнулся до самых основ. Я будто нашел решающий фактор, способный содействовать развитию науки. По сути, я предложил более полное понимание истинной природы человеческого существования. Меня пригласили поделиться своим открытием со всеми, кто будет готов меня выслушать, и я надеялся, что люди заинтересуются им.

Слухи о моем опыте стали распространяться среди соседей, и мои приятели познакомили меня с горюющими родителями умерших детей. Это привело меня к первой официальной презентации моей истории, прошедшей в 2010 году на благотворительном обеде в пользу «Kid's Haven», группы поддержки детей, потерявших родителей или братьев и сестер. Я рассказал, как мой опыт перекликается с идеей о том, что душа человека продолжает существовать после смерти физического тела. Многих слушателей это утешило, и, кажется, помогло им пережить горе. Потом я выступал перед маленькой группой из двадцати пяти целителей, которые помогали людям справляться с горем в миссионерских пунктах Стивена, развернутых в Пикленде. Неделий позже я выступал в той же церкви, пастором которой был Майкл Салливан, а я – прихожанином. Это большое мероприятие пробудило интерес общественности, и за ним последовали другие приглашения.

До того как впасть в кому, я провел приблизительно двести медицинских презентаций о моих исследованиях в нейрохирургии, так что выступления перед публикой меня не пугали. Но говорить со сцены о личных переживаниях оказалось для меня ново, шокирующе необычно и странно. Люди потом подходили ко мне и говорили, что моя история перекликается с их судьбами: утешительная, позитивная новость о высших мирах помогла им почувствовать себя более полноценными. Многие были растроганы до слез. Я не привык к эмоциональным реакциям, но поразился нашей общей близости к откровению и пониманию.

Слушатели как будто бы полностью принимали идею, что наши души вечны. Это помогло мне свести воедино все, что я знал. В путешествие, подобное моему, отправляется не одна-единственная душа, это массовая эволюция сознания, в которой каждый из нас принимает участие. Моя история помогла не только другим, но и мне. Я осознал все значение вести, которую принес. Я был просто обязан рассказать миру, что наше привычное представление о реальности, представление материалистической науки, полностью ложное и дезориентирующее. И на нем давно пора поставить крест.

Риск для моей карьеры в академической нейрохирургии был довольно велик – я сильно возмущал спокойствие и вполне мог быть изгнан из племени, то есть нейрохирургии и нейробиологии. Поэтому я обрадовался приглашению Медицинской академии Линчберга выступить перед ста пятьюдесятью врачами и их супругами (в их числе были лечившие меня коллеги и участники конференции по вопросам заболеваемости и смертности, посвященной моему случаю). От медицинской и научной аудитории я ожидал сильной отрицательной реакции и отпора, а встретил непредубежденную публику с очень уместными вопросами, соответствующими серьезности темы. Казалось, все сошлось на том, что мой опыт нельзя объяснить с помощью традиционных моделей (нельзя назвать мое духовное путешествие галлюцинацией) и нам следует поставить под вопрос господствующую парадигму, которой нас учили на медицинском факультете.

Благодаря знакомству с Брюсом Грейсоном меня пригласили выступить на национальной конференции Международной ассоциации исследований околосмертных переживаний (МАИОСП) в сентябре 2011 года в Дареме, Северная Каролина. МАИОСП была основана в 1978 году, ее задачей было оказывать поддержку и финансировать первых исследователей в этой области. На их ежегодных конференциях рассматривались новые исследования и сообщения людей, имевших околосмертные переживания.

Читая доклад перед залом, вмещавшим триста человек, большинство из которых сами имели околосмертные переживания, я был поражен тем, как плавно текло мое повествование. Я уже чувствовал раньше, как мое сообщение о глубоком, истинном знании выходило за рамки слов, превращалось в нечто большее, и здесь я впервые ощутил это очень ясно. Мне пришло в голову, что это уже не просто «я расскажу свою историю другим людям и посмотрю, как они отреагируют», – все эти люди прошли через опыт, подобный моему. В этой аудитории я ощутил всю важность моего путешествия и общую атмосферу тайны, управлявшей нашей жизнью.

Именно на этой конференции я познакомился с доктором Рэймондом Моуди (основателем современных научных исследований околосмертных переживаний). К тому времени, как нас представили друг другу, он уже был для меня легендарной личностью, но с момента нашего знакомства я стал считать Рэймонда одним из самых приятных людей из тех, кого я знаю. Он был потрясающе открыт, и я наслаждался беседой с ним и с Джоном Одеттом (еще одним основателем МАИОСП).

Рэймонд рассказал мне о своем давнем интересе, который привел его к первым исследованиям ОСП. Прежде чем поступить в медицинский колледж, он получил ученую степень по древнегреческой философии и сильно увлекся трудами Платона. В своем сочинении «Государство» Платон обсуждает удивительную историю Эра, убитого в бою армянского солдата, положенного на погребальный костер. Перед сожжением он, к изумлению своих боевых товарищей, ожил и поведал, что умершему человеку показывают самые важные моменты его жизни и что судят его по любви, которую он смог проявить в земной жизни.

ОСП регулярно возникали на протяжении как минимум двух тысяч четырехсот лет и, по-видимому, несли в себе универсальные уроки, не искаженные системой убеждений людей.

Эта история пробудила интерес Рэймонда к идее загробной жизни. Еще студентом-медиком он узнал о странных воспоминаниях своих пациентов, подошедших близко к смерти, и это подготовило почву для того, чтобы начать собирать такие истории. Рассказы первых ста пациентов легли в основу его книги, изменившей наш мир, «Жизнь после жизни». Больше всего меня впечатлил тот факт, что ОСП регулярно возникали на протяжении как минимум двух тысяч четырехсот лет и, по-видимому, несли в себе универсальные уроки, не искаженные системой убеждений людей (хотя убеждения могут повлиять на то, как человек интерпретирует и разъясняет свои переживания). Подход Рэймонда скорее философский, чем научный, он уверен, что решение вопроса о загробной жизни придет не из науки, а из сферы критического мышления и логики.

Одним из ключевых событий в исследовании Рэймонда была встреча с доктором Джорджем Ричи, психиатром из Вирджинии, который поделился с ним своим околосмертным переживанием, случившимся, когда ему было двадцать лет и он служил в армии. В 1965 году, когда Рэймонд впервые услышал историю Джорджа, он был студентом-дипломником философского факультета. Его книга «Return from Tomorrow» («Возвращение из будущего») остается самой моей любимой, так как родилась она тогда, когда никто еще не рассматривал ОСП как понятие. Болезнь, спровоцировавшая ОСП Джорджа, началась поздним вечером 11 декабря 1943 года, а книга с рассказом о ней была опубликована только в 1978 году. В середине 40-х годов информация об ОСП еще не была так доступна, как сейчас, так что история Джорджа возникла из

чистого источника. Сначала Ричи наблюдал свое мертвое тело, лежащее в военном госпитале в Кэмп-Баркли на западе Техаса, затем его душа совершила ночное путешествие на восток через все южные штаты Америки, а потом обратно на запад, где встретила со Светящимся существом и получила важные уроки. Это превосходно описанное путешествие стало классической литературы об ОСП.

– Вы встречались с Джорджем? – спросил меня Рэймонд.

– Нет, не имел такой возможности. Но мне бы хотелось...

– Вы очень напоминаете мне Джорджа, – улыбнулся Рэймонд. – У вас такой же безграничный энтузиазм и вкус к жизни. Так похожи... удивительно!

Мое исследование посткоматозного состояния было обогащено работами других просвещенных умов, многие из которых были с головой погружены в современную науку и медицину. Представители широкой общественности часто называли мое путешествие аномалией, несовместимой с представлениями современной науки, однако это не так. Несколько самых прогрессивных ученых мира, особенно причастных к исследованию сознания, не только согласны с моей основной идеей, но и являются моими наставниками. Они понимают!

Я был очень рад встретить на конференциях, на которые меня теперь приглашали выступать, других таких же непредубежденных врачей. Еще одна исключительная возможность представилась мне на Международной конференции по общению с умершими, проводившейся в апреле 2012 года в Фениксе Анной и Гербертом Периир. Именно там я познакомился с врачами Пимом ван Ломмелем и Ларри Досси – двумя незаурядными, благородными и влиятельными мыслителями, чья работа меня очень вдохновила.

Об ОСП рассказывают уже тысячи лет, но значительный рост числа таких сообщений начался в конце 1960-х годов, когда врачи научились реанимировать людей после остановки сердца. До этого почти все такие пациенты умирали. Мы заселили этот мир огромным количеством душ, которые побывали на том свете и вернулись, – и некоторые из нас уделяют этому внимание.

Доктор ван Ломмель – голландский кардиолог и автор знаковой научной работы 2001 года, опубликованной в очень уважаемом медицинском журнале «Ланцет»⁷. В ней он анализирует состояние трехсот сорока четырех пациентов, успешно реанимированных после остановки сердца в десяти голландских больницах, а также приводит результаты наблюдений за ними в течение восьми последующих лет. Шестьдесят два пациента (18 процентов) сообщили об ОСП, из них у сорока одного человека (12 процентов) наблюдался так называемый «важный» (или исключительно глубокий) опыт. Эти последние умерли в течение месяца после реанимации (вероятность того, что это случайность, равна 0,01 %).

Свои выводы он развил в весьма примечательной книге «Consciousness Beyond Life: The Science of the Near-Death Experience» («Осознанность вне жизни: наука околосмертных переживаний») – подробном исследовании быстро растущего числа случаев околосмертных переживаний, – в которой он проанализировал современное медицинское знание о взаимосвязи ума и мозга и описал последствия ОСП с точки зрения квантовой физики, поскольку она связана с природой сознания.

На первой встрече с Пимом в Фениксе я счел его образцом представительного, мудрого и опытного врача, внушающего высочайшее доверие своим пациентам. Но самым замечательным его качеством мне показалась кипучая жажда жизни. Все это сочеталось в нем с энергичными поисками иной интерпретации имеющихся у науки свидетельств, чем та, что удовлетворила бы более поверхностного врача. Если коротко, он был не человеком, который примет шаблонное объяснение, если доказательства предполагают иное, а настоящим ученым-скептиком.

⁷ Ломмель П., et al. «Near-Death Experience in Survivors of Cardiac Arrest: A Prospective Study in the Netherlands». *Lancet* 358, no. 9298, 2001, 2039–45.

Таков же был и доктор Досси – уважаемый врач, автор книг о нелокальном сознании и ценности духовного здоровья, среди которых «One Mind» («Единый разум»), «The Power of Premonitions: How Knowing the Future Can Shape Our Lives» («Сила предчувствия: как знание будущего влияет на нашу жизнь»), «Reinventing Medicine» («Переосмысление медицины») и «Исцеление молитвой». Высокий и подтянутый, Ларри тоже показался мне врачом от Бога – знающим, проницательным и опытным, внушающим своим пациентам и коллегам глубокое доверие и спокойствие. Сначала его привлекла идея о том, что все умы в мире связаны, поскольку сам он ощущал глубокую связь со своим братом-близнецом. В книге «Единый разум» он исследует такие необычные явления, как согласованные паттерны движений стай птиц и рыб, коммуникации между людьми и животными, групповое поведение, предчувствия, видение на расстоянии, ОСП и связь между близнецами. На момент нашего знакомства я знал о его прогрессивных взглядах, и никогда не забуду ту приятную близость, которую ощутил, увидев его исключительную теплоту и доброту.

Признавая и изучая потенциал нашей духовной сущности, и Пим, и Ларри старались вывести мировую медицину из мрака невежества чистого материализма к свету просвещенной эпохи в искусстве врачевания. Я узнал в них родственные души, мне показалось, что я знал их всегда. Они уже несколько десятилетий работали на диких и неведомых рубежах изучения сознания, а я был здесь новичком. И меня очень поддерживало общение с учеными, полностью признающими всю непостижимость тайны сознания.

Не вспомню всех подробностей нашей дискуссии, но это был, безусловно, самый серьезный разговор о фундаментальной природе сознания из всех, в которых я когда-либо участвовал. Ларри, по-видимому, воспринял его так же, поскольку, уходя, заметил:

– Вот жалость! Нужно было записать этот наш разговор! – Хотя в то время я не мог сформулировать свое впечатление от Пима и Ларри, теперь я знаю, что оба они обладали поистине очень развитыми душами.

Я стал общаться с учеными из других областей, которые тоже шли по канату, натянутому между наукой и духовностью. Джон Одетт, с которым я впервые встретился на конференции МАИОСП, был давним и близким другом астронавта корабля «Аполлон-14» Эдгара Митчелла, пережившего серьезную личную трансформацию по возвращении в 1971 году с Луны. Я был весьма благодарен Джону, когда в июле 2012 года он пригласил меня погостить у Эдгара.

Сколько себя помню, я всегда лучше всего чувствовал себя, паря над этим миром. Мое самое яркое воспоминание о первом классе связано с 5 мая 1961 года. В наш класс в школе принесли телевизор (всего лишь черно-белый, но и он в те дни был редкостью), чтобы мы могли посмотреть репортаж о том, как Алан Шепард пролетает в космосе сто восемьдесят шесть километров на ракете «Меркурий-Редстоун-3». Хотя этот суборбитальный полет длился всего пятнадцать минут, он меня зацепил. Космос был у меня в крови! Следующие пятнадцать лет я следил за всеми полетами «Меркурия», «Джемини» и «Аполлона», узнавал о космонавтах и их работе все, что мог, следил за ними в прямом эфире и представлял себя членом экипажа.

Мое увлечение чуть не заменило мне нейрохирургию. После вдохновляющего обеда на борту космического шаттла с Ри Седдон, космонавтом-ученым, имевшей в кармане диплом хирурга, я попросил принять меня в программу – НАСА как раз готовилась к новому набору астронавтов для полета на шаттле в 1983 году. В то время я еще не окончил ординатуру по нейрохирургии, и мой отец убеждал меня сначала получить медицинское образование, а потом уже вступать в отряд астронавтов. Моим планам помешала трагедия с «Челленджером» в январе 1986 года, из-за которой программа пилотируемых космических полетов была приостановлена на два с половиной года. За время этой паузы я выучился на нейрохирурга и начал практиковать, так и не воплотив мечту о полете в космос.

Мое увлечение космическими полетами привело к личной встрече с четырьмя астронавтами «Аполлона»: Нилом Армстронгом (первым человеком, гулявшим по Луне во время

прилунения «Аполлона-11»), Джимом Ловеллом (командиром героического полета «Аполлона-13» в звездный час НАСА, когда по пути к Луне рабочий отсек их космического корабля повредил взрыв, но благодаря своим сверхусилиям астронавты благополучно вернулись на Землю), Фрэнком Борманом (членом экипажа Джима Ловелла в декабре 1968 года в полете «Аполлон-8», во время которого он поздравил Землю с Рождеством) и Эдгаром Митчеллом (пилотом лунного экспедиционного модуля на «Аполлоне-14» в феврале 1971 года).

Платон обсуждает удивительную историю Эра, убитого в бою армянского солдата: человеку показывают самые важные моменты его жизни и судят его по любви, которую он смог проявить в земной жизни.

Несмотря на то, что я получил большое удовольствие от знакомства со всеми ними, больше всего я благодарен за дружбу Эдгару, который, я считаю, войдет в историю как один из самых великих исследователей. Я любил разговаривать с ним о его детстве, которое он провел на ранчо в Нью-Мексико поблизости от ранчо Роберта Годдарда, «отца американского ракетостроения» (интригующее совпадение!), а также о том, что он, как и я, самостоятельно летал на самолете в четырнадцать лет. Такой необычный опыт в столь нежном возрасте навсегда связывает душу с внеземными мирами.

Во время третьего успешного прилунения Эдгар стал шестым человеком (сегодня их двенадцать), ступавшим по Луне. 5 февраля 1971 года он пилотировал «Антарес», лунный экспедиционный модуль экспедиции «Аполлон-14», чтобы высадиться в районе кратера Фра Мауро. Его напарником был Шепард. Хотя подростком я следил за его путешествием и знал все факты, личный рассказ Эдгара о том путешествии стал одним из самых ярких моментов в моей жизни.

Эдгар рассказал мне, что испытал великое просветление, или савикальпа самадхи (как он это назвал) – «наслаждение единством», когда возвращался из своего «духовного путешествия» на Луну. Это экстраординарное событие полностью изменило его жизнь.

НАШИ ДУШИ ВЕЧНЫ. В ПУТЕШЕСТВИЕ, ПОДОБНОЕ ОСП, ОТПРАВЛЯЕТСЯ НЕ ОДНА-ЕДИНСТВЕННАЯ ДУША, ЭТО МАССОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ, В КОТОРОЙ КАЖДЫЙ ИЗ НАС ПРИНИМАЕТ УЧАСТИЕ. НАШЕ ПРИВЫЧНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РЕАЛЬНОСТИ ПОЛНОСТЬЮ ЛОЖНОЕ.

– Я летал на «Антаресе» к возвышенности Фра Мауро, и мы с Аланом дольше всех гуляли по этим пыльным лунным холмам, – говорил он у себя дома за завтраком. – Большинство людей слышало, что он взял на Луну два мяча для гольфа, но мало кто знает, что я бросил копье еще дальше! Лунная гравитация, равная одной шестой от земной, позволила мне побить рекорд олимпийского чемпиона. Затем мы с Аланом вылетели на взлетном модуле обратно к Стю в Китти Хок⁸ (к командному модулю корабля). Когда мы покинули лунную орбиту и полетели домой, моя работа была окончена. Нам оставалось три дня, чтобы отдохнуть и насладиться видами.

Мы шли в режиме закрутки на Солнце, это когда корабль поворачивается каждую пару минут, чтобы избежать перегрева. И я мог наблюдать в десять раз больше звезд, чем вы видите с Земли, так что вид был впечатляющий. Я видел в иллюминаторе то Землю, то Луну, то Солнце. Когда я завис в отрешенности между голубым драгоценным камнем Земли и сумрачной Луной, беспредельность и безмятежность Вселенной увиделись мне совершенно по-новому. Космос был прекрасен. Неожиданно я ощутил, что Вселенная однозначно сознательна и чутка, что все в ней взаимосвязано, – совершенно неопишное ощущение. Моя жизнь полностью изменилась.

⁸ Как позывной командного модуля астронавты использовали название города, рядом с которым совершили свой первый полет братья Райт. – Прим. переводчика.

Прозрение Эдгара побудило его заняться изучением научных аспектов сознания и поиском более широкого понимания целостности Вселенной. Во время своего путешествия в коме я испытывал то же самое чувство единства с общим самосознанием всего сущего – поистине разумной Вселенной. Я полностью разделяю интуитивное знание Эдгара о том, что наука и духовность усиливают друг друга, что их естественный синтез – это неизменный элемент человеческой истории. Он написал несколько замечательных книг о путешествии на Луну и о своем жизненном пути, которые я считаю весьма вдохновляющими – «The Way of Explorer» («Путь исследователя») и «Psychic Exploration» («Духовное исследование»). Такие просветленные люди – это первопроходцы, изменяющие парадигму, возвещающие новую стадию эволюции человечества и уводящие нас из мира, утратившего смысл и цель.

Доктор Митчелл с неустанным энтузиазмом и страстной заинтересованностью пытался проникнуть в загадку нашей реальности и места в ней человека. Я думаю, история оценит его труд. В 1973 году он создал Институт ноэтических наук, или ИНЭН, который и сейчас продолжает важную научную работу доктора Митчелла, касающуюся фундаментальной природы сознания и Вселенной. Цель сотрудников института – расширять концепцию о том, что мир является сопряженным целым. ИНЭН проводит оригинальное исследование, стремясь научиться применять углубленное осознанное понимание в обычной жизни. Я обрадовался, узнав об их попытках перебросить мост между наукой и духовностью. В сущности, ни наука, ни духовность по отдельности не смогут двигаться вперед, если не признают ключевую роль второго аспекта.

Несмотря на глубинное изменение моего мировоззрения и академическое образование, скоро я стал понимать, что не далеко ушел в деле познания. По мере того как я учился и исследовал феномен нелокального сознания, я все больше узнавал о разнообразных способах сознательно попадать в миры, подобные тому, что я видел во время комы. Они показались мне любопытными, и я записался на семинар о том, как достичь разных состояний сознания. Там в ноябре 2011 года я познакомился с Карен Ньюэлл. Так как наше знакомство произошло до издания книги «Доказательства рая», она не знала деталей моей истории. Тем не менее, уже знакомая с ОСП, она заинтересовалась моим духовным путешествием.

– Расскажите о самом важном, что вы узнали из своего околосмертного опыта, – попросила она.

– Мозг не порождает сознание, – быстро ответил я с несокрушимым энтузиазмом.

– Почему же некоторые думают, что порождает? – спросила она обескураженно. – Я всегда думала, что наше сознание существовало до нашего рождения и будет существовать после смерти. Как у нас может не быть души?! – добавила она.

Карен никогда не разделяла мировоззрение, которое я исповедовал все пятьдесят лет своей жизни до комы, то есть научный материализм. Она прожила жизнь, веря, что разум и сознательный опыт есть фундаментальная основа всего сущего, что разум имеет полную власть над материей и что наша свободная воля обладает громадным потенциалом для изменения мира. Меня привлекла ее увлеченность и тонкое понимание этого идеализма, потому что я-то только начинал анализировать его в своем трудном пути к пониманию своего ОСП. Одно было ясно: Карен, проницательный мыслитель, быстро стала для меня важным слушателем. Я всегда мог рассчитывать на нее, и она, с ее открытой и искренней натурой, помогала мне добираться до самой сути дела. У меня сразу возникло ощущение, что у нас с ней общая цель.

Карен показалась мне очень близкой, как будто я встретился с давно потерянным членом семьи или старым другом, и сразу вызвала мое доверие. Я ощутил в ней детскую наивность, открытость всем возможностям и присутствие Бога в сердце. Непоколебимость душевного равновесия Карен была очевидна не только мне. Когда она познакомилась с одним из моих новых друзей-медиков, Пимом ван Ломмелем, он почти сразу спросил ее:

– У вас было околосмертное переживание?

– Нет, не было, – ответила она. Но ее слова не убедили его, он доверял своей интуиции и, казалось, тоже чувствовал идущую от нее мощную энергию.

– Интересно, не было ли у вас ОСП в детстве, – продолжал он. – Вы чем-нибудь болели или с вами случались несчастные случаи?

– Я такого не помню, – ответила она. – Хотя в детстве у меня были судороги, но годам к пяти они прошли. И я не помню ничего такого, что могло бы вызвать ОСП.

– Иногда люди не помнят о них, особенно если это случилось в очень раннем возрасте. Но я чувствую энергию. Мне знакома энергия людей, имевших ОСП, и вы явно обладаете такой же.

Позже, когда мы обсуждали типичные последствия ОСП, выяснилось, что Карен испытывает некоторые из них – глубокую любовь к природе, повышенную интуицию и эмпатию, духовность, но необязательно религиозность, и сильную приверженность поискам высшей истины и смысла жизни. Карен рано обнаружила эту страсть к изучению глубоких проблем, таких как «зачем мы здесь» и «какова наша цель». Она пришла к выводу, что учение Церкви не может удовлетворительно ответить на эти вопросы. Светская школа тоже не могла. Взрослея, она искала альтернативные объяснения нашего прошлого и пришла к эзотерической литературе – «Каббале», теософским произведениям, свиткам Мертвого моря и другим эзотерическим и мистическим книгам, вроде бесед Платона об Атлантиде (из его сочинений «Тимей» и «Критий»).

Поскольку многие из этих текстов было трудно осмыслить и они заключали в себе много парадоксов, она стала замечать совпадения в разных учениях. Ее не устраивал один подход, дающий все ответы, она искала то, в чем разные концепции сходились – например, невероятная ценность истинного знания своей внутренней природы, полученного благодаря какой-нибудь практике, к примеру, медитации. Она избегала следовать одной дисциплине и предпочитала смесь того, что называла «универсальными истинами».

Карен была довольно невежественна в науке, занятиям которой я посвятил большую часть своей жизни, а я обнаружил, что, по меньшей мере, так же невежественен во многих духовных вопросах, которые она хорошо знала. Я только начал погружаться в эти неизведанные воды, что требовало от меня умения видеть истину, чтобы верно проинтерпретировать новые ощущения и идеи. Хотя я был готов всесторонне исследовать этот новый опыт сознательной осведомленности, Карен доказала мне, что нужно обладать очень высоким уровнем проницательности, чтобы отделить зерна от плевел.

Помимо накопления знаний, Карен многие годы постоянно и усердно практиковала курсы в сознание. Она поняла, что опыт – ключ к полному пониманию, и недостаточно просто читать литературу на определенные темы. В моем случае это было правдой – потребовалась семидневная кома и чудесное исцеление, чтобы привлечь мое внимание к важным вопросам. Карен заинтриговали рассказы о древних мистических учениях, в которых посвящения состоят из ряда испытаний, во время которых человек постигает тайны Вселенной. А поскольку современных мистических учений не существует, она пошла на практикум по изучению и развитию таких навыков, как осознанные сновидения, астральные путешествия, телепатия, видение на расстоянии, самовнушение и разные виды энергетического лечения – о многих из них я уже читал в ходе своего недавнего научного исследования. Она считала такой непосредственный метод обучения весьма эффективным.

Я извлек свой величайший урок из тяжелого испытания комой, а Карен долго училась. Она проверяла на практике разные теории и техники, экспериментировала с ними и применяла их в повседневной жизни. Она верила собранным лично доказательствам, укреплявшим в ней ощущение внутреннего знания. Таким образом, она сформировала довольно уникальное мировоззрение, гораздо более широкое, чем научный материализм, на которое я полагался долгие годы.

Существует значительная разница между верой и знанием. Это принципиально важно – не просто верить в то, что говорят люди, включая меня, а учиться самому, наращивать личный опыт, увеличивать собственный объем знаний. Каждый из нас идет своим путем, соответствующим нашим мотивациям и задачам. Пересматривать укоренившиеся убеждения крайне полезно, чтобы видеть ситуацию со всех сторон. По-настоящему прогрессивные ученые рассматривают все имеющиеся доказательства и лишь потом делают выводы.

Мы заселили этот мир огромным количеством душ, которые побывали на том свете и вернулись, – и некоторые из нас уделяют этому внимание.

Глава 4

За пределы официальной науки

«Если вы думали, что наука точна, то вы заблуждались».
Ричард Фейнман, Нобелевская премия по физике, 1965 год

Я хирург, скептик и рационалист. Я последний, кто скажет вам отвергнуть науку. Но поскольку научный метод включает в себя сомнение во всем, я буду поощрять вас критически изучать мифы и убеждения, которым традиционные ученые привержены без должных оснований, как догматам веры. Чтобы действовать правильно, наука должна придерживаться строгих критериев и подвергаться регулярному анализу. Но структура научного понимания мира сильна лишь настолько, насколько верны ее основополагающие утверждения, и любые ошибки в них приведут к большим проблемам с выводами. Одно такое метафизическое утверждение (метафизическое, потому что лежит в основе нашего мировоззрения) гласит, что существует только физический мир. Эта позиция известна науке как материализм (или физикализм). Согласно этой теории, мысли, чувства, эмоции, идеи и сознание есть результат неких физических процессов и сами по себе не существуют.

Материалистическая наука постулирует, что мозг порождает сознание из чисто физической материи – потому что ничего другого нет. Она утверждает, что все пережитое нами – каждый красивый закат, каждая прекрасная симфония, каждое объятие нашего ребенка, каждая влюбленность – всего лишь электрохимические сигналы примерно ста миллиардов нейронов в полуторакилограммовой студенистой массе, заключенной в теплой и темной емкости нашей головы. Такие ученые придерживаются мнения, что выбор делает не наша свободная воля, а электрические и химические реакции сложной структуры нашего мозга. И они говорят, что мы не более чем наше физическое тело, так что, когда оно умирает, мы прекращаем существовать.

Проблема материалистической модели мозга, порождающего сознание, в том, что даже лучшие в мире специалисты по мозгу не знают, как он может породить сознание. Это современный эквивалент древнего ученого, который думает: «Ну, солнце точно восходит и садится за горизонт, значит, Солнце вращается вокруг Земли». Традиционная нейронаука просто не делала домашние задания в школе.

Через несколько недель после того, как я начал свое исследование, 7 мая 2014 года, меня пригласили выступить против собственной докоматозной позиции в публичных дебатах по вопросу «Смерть – это конец?», которые проводила «Intelligence Squared» на Национальном общественном радио в городе Нью-Йорке. «Intelligence Squared» – это общественная некоммерческая организация, основанная в 2006 году с целью «восстановления культуры, аргументированного анализа и конструктивного общественного обсуждения в современном необъективном медиаландшафте». Мне не терпелось поучаствовать в дискуссии о взаимоотношении разума и тела, ведущейся более двух тысяч лет.

Моим партнером на позиции «за» стал доктор Рэймонд Моуди, мы с ним доказывали, что критическое мышление и логика указывают на существование загробной жизни. На другой стороне были Шон Кэрролл, физик из Калифорнийского технологического института в Пасадене, и доктор Стивен Новелла – невролог из Йеля. Они занимали противоположную, атеистическую позицию и доказывали, что смерть физического тела – это конец любого сознания и души. Новелла – основатель и редактор сайта «Доказательная медицина», анализирующего и традиционную, и альтернативную медицинскую помощь с научной позиции. Он гордился тем, что является профессиональным скептиком, но я надеялся, что он признает хотя бы отсутствие научного консенсуса в отношении сознания.

Любая попытка материалистической нейробиологии объяснить механизм сознания, возникающего из физического мозга, не даст ровно ничего – нет совсем никаких теоретических основ, связывающих мозг и сознание! Есть лишь неопределенные предположения, которые могут, конечно, пригодиться для моделирования, однако ни на шаг не приближают нас к решению трудной проблемы сознания и не помогают выявить конкретные механизмы, с помощью которых деятельность мозга заканчивается психическим переживанием.

Смелое вступительное слово Новеллы сразу же обнаружило его убежденность, что сознание проистекает из мозга.

– Уверены ли мы в научном умозаключении, о котором собираемся здесь говорить: что ум по существу и есть мозг? – начал Новелла. – Да, определенно. У нас есть твердыня нейронауки и бесчисленные эксперименты по поиску нейроанатомических коррелятов сознания, работы мозга, разума. Все, что вы думаете, чувствуете, во что верите, – это, несомненно, происходит в мозге. Каждый элемент околосмертного переживания можно воспроизвести с помощью выключения некоторых участков мозга или другими способами. Каждый такой компонент – это событие в мозге, и мы можем его воспроизвести, достаточно лишь нацелиться на определенные его участки.

Я думаю, мало кто сомневается в том, что мозг как-то связан с сознательным опытом. Проблема подхода Новеллы (и других материалистов) кроется в утверждении, что мысли, чувства и убеждения – и даже само сознание – вызываются одной лишь активностью мозга.

Сегодня у нейробиологов есть много замечательных методов и технологий, с помощью которых можно наблюдать, фиксировать и измерять физические изменения в мозге. Параметров так много, что легко прийти к выводу, что именно физические изменения вызывают необычные переживания, когда на самом деле может быть обратное: необычные переживания могут вызывать повышенную физическую активность в мозге. Вот где подводят основополагающие допущения ученых. Я позаимствовал у главного научного советника ИНЭН доктора Дина Радиана чудесную аналогию: то, что подсолнухи поворачиваются к солнцу, не означает, что они заставляют солнце двигаться по небу.

Доктор Уайлдер Пенфилд из Монреаля, пожалуй, находился в лучшем положении, чем большинство людей, высказавшихся по поводу связи между физическим мозгом и феноменологией переживаний. Бывало, в ходе хирургического лечения эпилепсии он стимулировал неокортекс у бодрствующих пациентов (то есть не полностью анестезированных).

Для этого Пенфилд использовал электроды. Шестнадцатилетняя девушка (история болезни М. Г., скрипачки, занимающейся музыкой с пяти лет) обратилась к нему с судорогами, и он провел операцию, чтобы получить доступ к правой височной доле⁹. Стимуляция верхней части височной доли ее мозга вызвала такую реакцию:

– Я слышу, как входят люди. Сейчас я слышу музыку, забавную маленькую пьесу.

Стимуляцию делали сзади, в главной слуховой зоне коры мозга, основной области звукового восприятия. Пациентка сказала, что узнала музыкальную тему детской передачи, которую она слушала по радио (актуальное воспоминание о реальном событии). Вторая стимуляция той же самой зоны вызвала ощущение, не связанное ни с каким воспоминанием:

– Люди входят и выходят, и я слышу «бум, бум, бум».

Затем последовала еще одна стимуляция.

– Это сон. Здесь много людей. Я их не вижу, но слышу. Я не слышу их слов, а слышу только их шаги.

Таков конкретный характер восприятия и воспоминаний, о которых Пенфилд узнал, стимулируя электрическим током определенные точки поверхности мозга. Анализ достигнутых

⁹ Пенфилд У. и Эриксон Т. С. «Epilepsy and Cerebral Localization: A Study of the Mechanism, Treatment and Prevention of Epileptic Seizures». Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1941, 127–130.

результатов позволил составить основную функциональную анатомию мозга (особенно сенсорной и моторной зон коры головного мозга), а электрокортикография помогла ему выявить поврежденную ткань мозга, которую нужно удалить, чтобы избавить пациента от судорог. Каждый день в течение тридцати лет он тщательно фиксировал переживания, ощущения и воспоминания, возникающие в сознании пациентов из-за электрического картирования неокортекса, а затем идентифицировал и удалял аномальные части мозга, вызывавшие судороги.

Как специалист по стимуляции мозга во время иссечения с местной анестезией, когда пациент находится в сознании, я знал сильные и слабые стороны этих методов. В ходе своих интересных научных экспериментов Пенфилд узнал больше других нейрохирургов о взаимосвязи электростимуляции маленьких участков мозга с чувственными переживаниями пациентов. Он занял двойственную позицию и стал интеракционистским дуалистом, признав, что люди имеют и физический мозг, и совершенно отдельный разум и что один только мозг не объясняет разума.

В книге «Мозг. Тайны разума» Пенфилд пишет: «Занимаясь наукой, я старался доказать, что мозг является источником разума, поэтому стремился продемонстрировать столько мозговых механизмов, сколько это возможно, надеясь, что таким образом покажу, как именно мозг рождает разум... В итоге я пришел к заключению, что, несмотря на новейшие методы исследования, такие как применение стимулирующих электродов, изучение пациентов, находящихся в сознательном состоянии, и анализ эпилептических приступов, достоверных данных о том, что только один мозг может выполнять работу, которую осуществляет разум, не существует. Я прихожу к выводу, что гораздо легче рационализировать человеческую сущность на основе двух элементов, чем на основе одного»¹⁰.

Проблема материалистической модели мозга, порождающего сознание, в том, что даже лучшие в мире специалисты не знают, как он может породить сознание. Нейронаука просто не делала домашние задания в школе.

К сожалению, наблюдения Пенфилда были проигнорированы или неправильно истолкованы, потому что не соответствовали преобладающей материалистической модели. И, невзирая на гигантские изменения в нашем понимании внутренних механизмов работы физического мозга за последние десятилетия, идея материалистического мировосприятия о том, что «мозг порождает сознание», не дрогнула. Ученых, кажется, не беспокоит то, что они не могут найти этот механизм. Новеллу как будто удовлетворило собственное заявление, что их предположения однажды подтвердятся (это называется «обещательным материализмом»).

– Нам не нужно знать, как мозг создает сознание, – заявил Новелла. – Мы точно знаем, что он его создает. Нам также не нужно знать, как Земля порождает гравитацию, чтобы знать, что она ее порождает. Мы не сомневаемся, что у нас есть гравитация, пусть мы пока и не развили глубочайшего понимания всего сущего. Поэтому да, мы не знаем, как именно мозг создает сознание, но доказательства приводят нас к единственно возможному умозаключению: он его создает. Без сомнений, сознание порождается мозгом.

– Ни один нейробиолог на свете не может сформулировать ни одного объяснения механизма, за счет которого физический мозг обуславливает сознание, – возразил я Новелле.

– Это правда? – спросил Новеллу шокированный ведущий.

– Все не так просто, – ответил Новелла. – У нас есть некоторые знания, но нет полного понимания. Это то же самое, что сказать: «Все ли мы знаем о генах?» Нет. Но мы знаем, что ДНК – это молекула наследственности. В этом нет сомнений.

– Но у нас нет ни одной формулировки. Расскажите, как вы сможете установить, что физический мозг порождает сознание, – настаивал я.

¹⁰ Пенфилд У. «Mystery of the Mind». Princeton, NJ: Princeton University Press, 1975, 113–114.

Новелле нечего было ответить.

Как бывший сторонник научного материализма, я могу понять, почему человек становится зависимым от упрощенного представления. Однако я начал понимать, что подлинный непредубежденный скептицизм – одно из самых сильных и ценных качеств ученого. К сожалению, большинство представителей нашей культуры, которые гордо объявляют себя скептиками, на самом деле являются их противоположностью – я называю их псевдоскептиками. Они уже сформировали свое мнение, основываясь на предубеждениях и приверженности определенной системе взглядов. Их склад ума прямо противоположен тому, что считается идеальным для научного мышления, – стремлению подходить к различным вопросам с максимально открытым умом, незамутненным преждевременными выводами.

Я надеялся на более серьезную схватку с другим участником дебатов, Шоном Кэрролом, написавшим «Вечность. В поисках окончательной теории времени», очень умное исследование величайших проблем понимания природы времени в современной физике. Он казался мне стоящим оппонентом, учитывая его впечатляющие достижения в физике и особый интерес к тому, как квантовая механика влияет на космологию. Я уже убедился, что квантовая физика играет решающую роль в понимании отношений ума и мозга, так как современные ученые-физики изучают как переходную область физического мира (представленную мозгом), так и наше знание о нем (представленное разумом). Вот почему я с нетерпением ждал глубоких размышлений Кэрролла.

– Я считаю важным заметить: основателей (квантовой механики) привело к мистицизму то, что они, заглянув очень глубоко в субатомную реальность, поняли, что сознание, или наблюдающий ум, играет какую-то роль в развитии того процесса, за которым он наблюдает. И я думаю, что эта загадка, к счастью, не была окончательно разгадана, – заявил я.

Многие члены мирового сообщества физиков согласятся, что я отметил очень серьезную тайну парадокса измерений в квантовой физике. Блестящих ученых, пытавшихся в первой половине XX века найти объяснение всему этому (особенно венгеро-американского математика Джона фон Неймана и физика-теоретика Юджина Вигнера) весьма впечатлило то, что сознательный выбор наблюдателя является решающим для конечного результата.

Любое субатомное наблюдение зависело от того, кто его воспринял. Даже введение в эксперимент робота, управляемого генератором случайных чисел, не помогло, так как интерпретировать результаты приходилось человеку. Обойтись без ума наблюдателя невозможно, и это ведет нас к поразительному выводу: сознание преобразует реальность.

ЧАСТО СКЕПТИКИ КРИЧАТ В ОТВЕТ НА ДЕРЗКИЕ
ЗАЯВЛЕНИЯ ТЕХ, КТО ИССЛЕДУЕТ ПАРАНОРМАЛЬНЫЕ
ФЕНОМЕНЫ: «ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ ТРЕБУЮТ
ЭКСТРАОРДИНАРНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ». НА САМОМ ДЕЛЕ
ДАННЫХ НАЙДЕТСЯ ОЧЕНЬ МНОГО, ЕСЛИ ПЕРЕСТАТЬ ИХ
КАТЕГОРИЧЕСКИ ОТРИЦАТЬ.

Сегодня основоположников квантовой физики еще больше мистифицировали бы изощренные эксперименты, призванные доказать, что объективной внешней реальности не существует и что сознание (наблюдатель) находится в самом центре реальности. Эти исследования заставили нас признать, что сознание играет заметную роль во Вселенной, но они были слишком горькой для научного сообщества пилюлей, чтобы ее проглотить.

Кэрролл в ответ на мой вопрос немедленно развенчал чудо этого открытия:

– Дело в том, что Эйнштейн, Бор, де Бройль и прочие основатели квантовой механики умерли много десятков лет назад. С тех пор мы многое узнали из того, чего не знали они. Они изобретали квантовую механику и заодно играли с идеей, что сознание имеет какое-то отношение к основным ее законам. Теперь нам известно больше.

Современные ученые не «разобрались со всем этим», – заявил Кэрролл. А ведь недавние исследования весьма интригующи. Однако он и близкие ему по духу мыслители отказываются даже предположить, что сознание может играть заметную роль в нашей разворачивающейся реальности. Он призывал просто проигнорировать открытия, вызвавшие у блестящих физиков XX века столь сильное ощущение тайны, когда они задумались о ключевой роли сознания. По моему, это недальновидно.

Пусть до своей комы я не обращал внимания на научные исследования ОСП, зато когда я стал изучать их с открытым умом, то был потрясен глубиной этих откровений. На самом деле, доказательства того, что мы можем попадать в миры, расположенные за пределами «здесь и сейчас» нашего физического мозга, довольно сильны. Нужно как-то объяснить сообщения о десятках тысяч ОСП и бесчисленные рассказы о предсмертных видениях, общении с умершими и опыте умирания, как и воспоминания детей о прошлых жизнях, если человек хочет понять мир таким, каков он есть, а не каким кажется.

Часто скептики кричат в ответ на дерзкие заявления тех, кто исследует паранормальные или пси-феномены: «Экстраординарные заявления требуют экстраординарных доказательств». На самом деле данных найдется очень много, если только перестать их категорически отрицать, но Кэрролл не только полностью проигнорировал существующие свидетельства, он ждал, что любое «новое» доказательство будет безошибочным.

– Итак, что нас в действительности попросили признать? – спросил Кэрролл. – Чего мы должны ждать от мира, если смерть – это не конец? Для начала было бы неплохо, чтобы существование душ после смерти подтверждалось доказательствами. Нам должно быть так же ясно, что рай существует, как ясно, что существует Канада. На деле же похоже, что души, продолжающие существовать после смерти, немного застенчивы. Они не говорят с нами, кроме крайне редких случаев.

Я был сражен его заявлением, что «существование душ, не прекращающееся после смерти, должно подтверждаться доказательствами». Интересно, он слышал о нейтрино? Их очень сложно заметить (во всяком случае, сложнее, чем Канаду). Зарождаясь на Солнце, они квадриллионами квадриллионов в секунду проходят сквозь Землю, едва замечая нашу планету, – они проносятся сквозь нее, как сквозь пустое место. Существование нейтрино не подвергается сомнению большинством физиков, и эта частица является очень трудноразличимой формой материи, чье существование критически важно для развития парадигм субатомной физики. То, что они не так заметны, как Канада, не означает, что их нет.

Чудесная аналогия: то, что подсолнухи поворачиваются к солнцу, не означает, что они заставляют солнце двигаться по небу.

Двойные стандарты лишают такие учения возможности продемонстрировать «достоверность». Изучение статистического порога, примененное, чтобы отличить настоящее открытие от случайности, объясняет это предубеждение.

В скандальной статье 2011 года, опубликованной под заголовком «Ощущение будущего»¹¹, психолог Дэрил Бэм из Корнелльского университета представил исчерпывающие доказательства предвидения! Да-да, он доказал, что люди демонстрируют сознательную когнитивную осведомленность о близящемся стимуле за секунды до того, как компьютер произвольно показывает этот стимул (!). Сопутствующий мета-анализ¹², методично сформированный из девятиста опытов в тридцати трех разных лабораториях, размещенных в четырнадцати странах, подтвердил нарушение самых фундаментальных понятий материалистической науки

¹¹ Бэм Д. Д. «Feeling the Future: Experimental Evidence for Anomalous Retroactive Influences on Cognition and Affect». Journal of Personality and Social Psychology 100, no. 3, 2011, 407–425.

¹² Бэм Д. Д., et al., «Feeling the Future: A Meta-Analysis of 90 Experiments on the Anomalous Anticipation of Random Future Events». F1000Research 4, 2015, 1188.

и наших представлений о причине, следствии и природе самого времени. Работа Бэма вызвала вспышку яростной критики со стороны консервативных ученых-материалистов.

Широко применяемый стандарт величины p (вероятность того, что результаты исследования могут возникнуть случайно) для большинства медико-биологических исследований устанавливается на $p < 0,05$ (это означает, что результат случайно подойдет под ожидаемый в течение менее пяти процентов всего времени или менее чем один раз из двадцати). Методом сравнения Бэм пришел к выводу, что величина p его мета-анализа равна 0,000000012 – астрономически яркий и важный результат, но и его недостаточно для того, чтобы убедить махровых «скептиков». Они-то устанавливают планку на уровне, который нереально обеспечить.

Я ушел с дебатов, разочарованный отказом Кэрролла и Новеллы применить к вопросу сознания научный стандарт – открытость ума, поиски честных результатов – и их попытками подогнать факты под заранее определенный вывод. В отличие от них, многие ученые и врачи хорошо знают о важности последнего поворота в дискуссии на тему ума-тела и готовы признать необычные возможности человека. К сожалению, многие действительно увязают в консервативной парадигме.

Иногда я встречаюсь с тем, что можно назвать иррациональным страхом сторонников материалистической позиции, – более широкий взгляд на сознание пугает их. Скрупулезное следование определенному мировоззрению едва ли кажется научным и указывает на истинную причину этой предвзятости у, в общем-то, честных и умных людей. Я считаю подобное поведение отголоском событий четырехсотлетней давности, когда на руинах Темных веков возникла научная революция благодаря таким великим мыслителям, как Галилео Галилей, Фрэнсис Бэкон, Исаак Ньютон и Джордано Бруно. Они вычисляли законы, управляющие миром природы, однако, если бы они забрели на территорию ума и сознания, их, скорее всего, сожгла бы на костре гораздо более могущественная Церковь (как сожгла Бруно). Наука многим заменила мистицизм, шаманизм и духовность, стала источником истины. На самом деле, объединение науки и духовности всегда представляло собой богатый источник истины, а смутных нечистых призраков науки и религии (как замены духовности) часто натравливали друг на друга.

Несмотря на целый ворох недавних открытий, за мировоззрение, постулирующее, что человек отделен от природы, держатся те, кто занимается естественными науками. Натурализм предполагает, что все происходит из природных свойств и естественных причин и полностью исключает или не принимает во внимание сверхъестественное и духовное. Недаром при возникновении квантовой физики чувство разобщенности укоренилось до такой степени, что стало частью структуры нашего мышления. Без основополагающих гипотез невозможно понимание, но они источник зла! Как сказал великий немецкий философ Артур Шопенгауэр, «наиболее эффективно открытие истины предотвращают не с помощью обманчивости существующих вещей, вводящих в заблуждение, не слабостью аргументации, а заранее составленным мнением, предубеждением».

Когда западная наука принялась изучать работу мозга посредством сложных приборов и методов, некоторых ученых шокировали бездонные глубины самого феномена сознания. Те, кто принял этот вызов и преодолел все трудности, признавались, что доказательства недвусмысленны: ум гораздо больше результата работы мозга. Эти прогрессивные ученые (в их числе Роджер Пенроуз, Генри Стэпп, Брайан Джозефсон, Амит Госвами, Бернард Кэрр, Дин Радин и Минас Кафатос) предполагают, что сознательный опыт нельзя считать порождением физического мозга.

Доказательства того, что мозг не генерирует сознание, складываются из клинически подтвержденных явлений периодического ясновидения, при котором пожилые слабоумные пациенты демонстрируют эпизоды глубоких рассуждений и тонкого взаимодействия с окружающими, полностью противоречащие способности столь тяжело поврежденного мозга обес-

печивать воспоминания и конструктивное общение¹³. Или приобретенного синдрома саванта, при котором в результате определенных видов повреждения мозга – инсульта, травмы головы или аутизма – у пациентов появляется некая сверхъестественная умственная способность. Например, они могут сосчитать в уме число *пи* до тысячных долей или запомнить каждое имя и число в телефонной книге, в которую заглянули лишь на несколько секунд. Многочисленные недавние эксперименты показали, что самые прекрасные психические переживания сопряжены со значительным снижением местной активности в особенно важных соединительных участках массивного взаимодействия главных зон головного мозга (смотрите главу 8).

Другой важный постулат материалистической науки, заслуживающий более тщательного анализа, гласит, что воспоминания хранятся в мозге. Эта идея так укоренилась в нашей культуре, что, кажется, стала для многих общеизвестным «фактом». Однако, если придерживаться такого мнения, мой опыт, полученный во время комы, понять будет очень трудно. Как при столь сильно поврежденном мозге ко мне вернулись все мои воспоминания и знания, причем всего за несколько месяцев? Откуда они появились? Может, пока физический мозг выздоравливал, хранящиеся там воспоминания восстановились? Нет, при такой тяжести и продолжительности болезни столь эффективное выздоровление невозможно. Более того, со временем я пришел к выводу, что мои воспоминания стали даже более полными, чем были до комы.

Один такой пример связан с человеком по имени Уилл, который ремонтировал что-то в нашем доме в начале 1960-х годов, когда мне было около десяти лет. Я вспоминал о нем и об отце в начале 1990-х годов, и самой тонкой подробностью, которую я смог вспомнить об Уилле, была его хромота (после легкого паралича), а больше я о нем почти ничего не помнил.

Однажды после комы я разговаривал с мамой и вспоминал события тех лет. Я рассказал ей конкретные подробности своей поездки с отцом на его Thunderbird 1957 года выпуска в отель «Грейстоун», что напротив театра «Уинстон» на Сороковой улице, где мы забрали Уилла и привезли его к нам домой для какой-то работы. Я даже помню, как Уилл порезал правый указательный палец, ремонтируя нефтяную печь у нас в подвале, и как папа повез его к себе в больницу, где наложил ему на рану пять швов. Ни одну из этих подробностей в начале 1990-х я не помнил.

Как после столь разрушительного заболевания мозга воспоминания могли стать более яркими и подробными? Вот еще одна загадка для исследования. Консервативная нейронаука учит, что воспоминания хранятся в нейронных сетях физического мозга. Однако неврологическое сообщество больше ста лет искало этот физический архив воспоминаний, и безуспешно. Хотя в научных источниках за последние годы мелькало много заявлений об обнаруженных механизмах хранения воспоминаний, эти предполагаемые механизмы и структуры значительно различаются – нет ничего и близко похожего на консенсус. Существенно то, что о конкретном месте хранения воспоминаний мозг промолчал, и все хитроумные исследования ни к чему не привели.

Вспомните что-нибудь из своего детства, скажем, когда вам было три или четыре года. Большинство людей довольно легко вспоминают отдельные события, произошедшие с ними в возрасте двух лет или около того, а некоторые помнят себя чуть не с самого рождения. Закройте глаза, дайте этим воспоминаниям полностью вернуться и воссоздать ваши тогдашние переживания. Припомните людей, с которыми они связаны, места, звуки и особенно чувства. Сильные эмоции повышают нашу способность фиксировать определенные переживания в долговременной памяти и могут помочь ее восстановить, если нужно. Обоняние тоже может дать сильный стимул для пробуждения определенных воспоминаний – аромат духов вызывает воспоминания о бабушке, а слабый запах табачного дыма пробуждает мысли о дедушке. Поз-

¹³ Намм М., et al. «Terminal Lucidity: A Review and a Case Collection». Archives of Gerontology and Geriatrics 55, no. 1, 2012, 138–142.

вольте своему уму погрузиться в картины ранних лет жизни, которые могут скрываться на самом краю сознания, и вы изумитесь своей способности оживлять такие моменты.

Любое субатомное наблюдение зависело от того, кто его воспринял. Даже введение в эксперимент робота не помогло, так как интерпретировал результаты человек. И это ведет к выводу: сознание преобразует реальность.

Материалистическая модель пытается втиснуть наши воспоминания в молекулярные элементы синаптической связи нейронов. Однако какие бы атомы и молекулы ни участвовали в исходном шифровании наших переживаний более полувека назад, с тех пор они бесчисленное множество раз сменились, а воспоминания сохранились. Кто-то возразит, что первичные синаптические компоненты были со временем заменены подобными атомами и молекулами, но факт остается фактом: воспоминания извлекаются из материала, отличного от того, на котором они (гипотетически) изначально хранились.

В 1940-х годах нейрохирурги поняли, что маленькие зоны медиальных отделов височных долей (включая гиппокамп) играют решающую роль в общем преобразовании кратковременной памяти в долговременную, но их нельзя назвать настоящим местом хранения памяти. Повреждение этих отделов мозга не влияет на извлечение старых воспоминаний, а только на формирование новых. Этот факт укладывается в модель мозга как приемника или фильтра для первичного сознания, но не генератора разума и не места хранения воспоминаний.

Одна редко обсуждаемая загадка клинической нейрохирургии связана с иссечением мозга (удалением части тканей головного мозга) и хранилищем памяти. Если кто-то допускает, что воспоминания хранятся в неокортексе, то после крупных резекций мозга часть воспоминаний должна исчезать, однако этого не происходит.

Доктор Уайлдер Пенфилд сделал важные открытия, подсказывающие, что на самом деле память хранится не в мозге (смотрите приложение А). Поначалу он поверил, что вот-вот обнаружит местонахождение памяти, но вскоре понял, что все не так просто. Электростимуляция височных долей вызывала у его пациентов схожие переживания, однако они были не настолько единообразными, чтобы претендовать на нечто большее, чем знание о том, что физический мозг представляет собой некую зону взаимодействия, обеспечивающую извлечение воспоминаний. Он даже рассказывал о случаях, когда люди, полностью лишённые кортикальной зоны, связанной с восстановлением памяти, сохраняли все свои воспоминания! За три десятилетия кропотливого исследования он не нашел доказательств того, что воспоминания хранятся в мозге.

Невозможность определить физическое местоположение памяти в мозге – один из важнейших признаков того, что материалистическое мировоззрение потерпело неудачу. Чем больше мы узнаем о структуре и биологии мозга, тем яснее становится, что мозг не порождает сознание и не служит вместилищем памяти. Мозг не производит сознание, как не производит он звуковые волны, когда вы слушаете музыку. Более того, ситуация обратна: мы сознательны вне зависимости от нашего мозга.

Материалистическая наука как основа постижения реальности бесперспективна. Нам давно пора подняться над этим стереотипом и включить идею отдельного от тела сознания в нашу рабочую модель Вселенной. Объединение науки, Вселенной и нас самих – это единственный путь вперед. Для самых прогрессивных людей наука начинается именно здесь, на рубеже XXI века, когда, наконец, мы приближаемся к какому-то пониманию сути дискуссии о разуме и теле. И это интригующее исследование фундаментальной природы реальности имеет непосредственное отношение ко всем нам.

Глава 5

Гипотезы о первичности разума

«Вселенная начинает напоминать гигантскую идею, а не гигантскую машину... Нам... следует провозгласить скорее (Разум) создателем и правителем этого мира».

Сэр Джеймс Джинс, британский астрофизик

Когда я искал ответы, то стремился разгадать две сложные загадки: как развивающаяся в моем неокортексе инфекция допустила ту крайне мощную и сверхреальную сознательную осведомленность, какой я обладал в глубокой коме? И какова фундаментальная природа той неопишимо умиротворяющей силы знания, веры и чистой безусловной любви – того исходного разума и созидательности (которые многие отождествляют с Богом или Верховным Божеством) в источнике всего сущего, Ядре? Мое путешествие показало, что сознание исходит из этой внутренней сущности Вселенной. Как увязать это все в одну теорию?

Я рассмотрел много разных моделей, объясняющих взаимоотношения между разумом и мозгом. Весь диапазон возможных ответов на проблему ума-тела можно представить в виде линейного спектра, соединяющего два полюса: материализм (мозг порождает разум) на одном конце и метафизический идеализм (разум порождает мозг и всю физическую материю) на другом. Между этими двумя полюсами лежит много вариантов «дуализма», признающего существование разума, объяснимого не только физическим мозгом. Дуализм позволяет мозгу и разуму существовать параллельно (что предполагал Уайлдер Пенфилд и другие исследователи).

Наряду с другими ограничениями, материализм отрицает, что люди имеют какую-то свободу воли, а иллюзию сознания приписывает естественным законам физики и химии, примененным к веществу мозга. Но что насчет свободной воли, которая помогает вам решить, есть у нас свобода воли или нет? Является ли и этот процесс результатом цепи химических реакций в мозге, который предсказуемо склоняется к «да» в одних случаях и к «нет» в других? Чтобы полностью принять материалистическое объяснение, нужно признать, что у людей свободы воли нет. Для меня это было последним гвоздем в гроб материализма.

Такие фундаментальные вопросы, как занимавший меня, требовали расширить зону поиска, но я не понимал, куда повернуть. Религии и мистические традиции, конечно, признавали существование творческой силы во Вселенной и не расходились с моим опытом, но их мне было недостаточно, мой научный ум требовал более полных объяснений. И для этого я обратился к квантовой физике.

Квантовая физика – исследование поведения молекул, атомов и их элементов в микромире – это самая признанная теория в истории науки. На лежащих в ее основе математических и физических параметрах строится примерно треть мировой экономики (вся микроэлектроника – мобильные телефоны, компьютеры, телевизоры и системы GPS). Впрочем, за более чем сто лет ее существования научное сообщество так и не поняло, что эксперименты квантовой физики на самом деле говорят о природе реальности.

Одна причина такой слепоты кроется в том, что квантовая физика имеет дело непосредственно с проблемой ума-тела на самом фундаментальном уровне и занимается взаимопересечением нашего разума с наблюдаемой материей. Если хорошенько поскрести окружающий нас с вами физический мир, мы обнаружим, что он ведет себя не так, как диктуют разумные правила нашей повседневной жизни или физические законы, управляющие большими объектами, включая наши тела. Эксперименты квантовой механики обнаруживают, что энергетиче-

ская ткань всех вещей, составляющих физический мир, имеет такой необычный характер, что ставит под сомнение все наши идеи о природе реальности.

Многое в этой очевидной путанице проистекает из попыток ученых-материалистов не дать объединить проблему сознания и квантовую физику, отрицая сам факт существования сознания или делая неверные выводы из самых ярких квантовых доказательств такой взаимосвязи. Если немного поменять точку зрения, некоторые мучительные проблемы науки становятся разрешимыми.

Наиболее важный урок современной физики в том, что мир не таков, каким кажется. Все основные компоненты физического мира (включая наш человеческий мозг и тело) – молекулы, атомы, электроны, протоны, нейтроны и фотоны света – можно представить в виде энергетических струн, вибрирующих в пространстве более высоких измерений. Атомы составляют каждый кусочек материального мира вокруг нас, но большая часть атома – это пустое пространство. Ядро в центре атома (99,95 процента его массы) облетают по орбитам крошечные электроны (всего 0,05 процента или менее всей атомной массы).

ЧТОБЫ ПОЛНОСТЬЮ ИССЛЕДОВАТЬ ОПЫТ РАЗУМНЫХ
СУЩЕСТВ, МЫ РИСУЕМ ОБРАЗ ПОИСТИНЕ ПРЕКРАСНОЙ
ВСЕЛЕННОЙ – С НЕОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ
ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА, ГДЕ ВСЕ МЫ УЧАСТНИКИ
И СОАВТОРЫ ЭТОЙ ГРАНДИОЗНОЙ ЭВОЛЮЦИИ СОЗНАНИЯ.

Размер атомного ядра по сравнению с самим атомом часто сравнивают с комаром внутри парижского собора Нотр-Дам. Это громадное «пустое пространство» материального мира не так уж пусто, потому что оно, по всей видимости, вмещает в себя огромное количество энергии в так называемом «нулевом поле», которое охватывает всю Вселенную. Для тех, кто следит за «материей» в этом примере: помните, что только два процента массы атомного ядра – масса конституэнтных кварков, остальные девяносто восемь процентов – это энергия связи, захваченная, когда эти кварки соединились друг с другом. В атоме действительно почти ничего нет! Нильс Бор, в 1922 году получивший Нобелевскую премию по физике, указал на это обстоятельство, сказав: «Все, что мы называем реальным, состоит из того, что считать реальным нельзя».

Древний ведический термин майя говорит об этом же. Его часто переводят как «иллюзия», но мир необязательно «нереален», просто он не такой, каким кажется. Мы с Карен Ньюэлл называем это Великой иллюзией – то, как наши представления о мире скрывают фундаментальную истину о нем. Хотя консервативная материалистическая наука считает сознание несущественным и непонятным явлением, сопутствующим работе физического мозга, учтите, что вы никогда не наблюдали ничего, кроме внутреннего пространства собственного сознания.

– Но постойте! – возразите вы и укажете на окружающие вас материальные объекты: тахту, на которой вы сидите, дом, в котором живете, горы, деревья и озера, города и здания, человеческие существа и прекрасные звезды. В любой попытке глубже постичь реальность самое главное – понимание, что все, что вы видели с тех пор, как родились, все эти вещи, существующие «здесь», являются на самом деле внутренней моделью, конструктом вашего сознания, который воспроизводит образ чего-то, что должно быть «здесь».

Узнав результаты квантовых экспериментов, Альберт Эйнштейн, как известно, пошутил: «Мне нравится думать, что луна существует, даже если я не смотрю на нее». Большинство из нас согласится с Эйнштейном, но давайте посмотрим, что мы действительно знаем об этом процессе. Ежедневно наши глаза поглощают фотоны света от окружающих объектов – деревьев и птиц во дворе или луны, звезд и галактик в ночном небе. Давайте сосредоточимся на луне, о которой говорит Эйнштейн. Лунные фотоны пролетают 384 400 километров (за 1,6 секунды), чтобы вступить во взаимодействие с молекулами пигмента сетчатки нашего глаза и

инициировать серию «выстрелов» нейронов, проходящих по нервным путям через несколько областей мозга, пока, наконец, информация от этих фотонов (цвет, форма, взаимосвязи и движение наблюдаемого объекта) не будет осознана.

Эксперименты квантовой механики обнаруживают, что энергетическая ткань вещей физического мира имеет такой необычный характер, что ставит под сомнение все идеи о природе реальности.

Нейронаука не обнаружила никакого конкретного места в мозге, где возникает завершающий этот процесс момент осознанной осведомленности. Большинство доказательств ясно указывают на то, что нигде в мозге нет никакого «центра сознания». Причинная цепь проникает в мозг и заставляет его как-то меняться, что соответствует нашему осознанному восприятию некоего внешнего объекта. Это, как заметил голландский философ Барух де Спиноза, «соответствует нашему осознанному восприятию, которое представляет некий внешний объект существующим для нас».

Представление о луне – это не сама луна и не какой-то физический объект, отдаленно напоминающий луну. Традиционная нейронаука сказала бы, что восприятие луны есть серия электрохимических разрядов в высокоорганизованной сети из миллионов нейронов, чей общий рисунок представляет луну. Луна в вашем уме – это чистая информация, существующая в виде нейронных связей, которые были созданы за время вашей жизни в этом мире и наблюдения за ним, и то, что эти связи и создают ваши впечатления в действующей внутренней модели предполагаемого внешнего мира. Заметьте, что эта ментальная модель включает ваш мозг и тело, которые есть часть физического мира «здесь». Все то, что мы воспринимаем, в прямом смысле слова не более чем наша закодированная интерпретация чистой информации.

Главное препятствие для понимания – это ужасающе эффективный трюк человеческого ума, обманом заставляющего нас поверить, будто физический мир существует «здесь» независимо от нас. Отличная метафора этой ситуации – спрашивать у рыбы, как ей живется в воде. «Какой воде?» – спросила бы рыба. Она не знает ничего, кроме воды, и потому не знает о ее существовании. Для нас же естественно плавать в море сознания, и это единственное, что мы знаем.

Другое убеждение, важное для эволюции представлений о сознании и реальности, звучит так: время идет из прошлого сквозь настоящее в будущее. Это часть Великой иллюзии. Большинство из нас думает, что понятие времени хорошо проработано в традиционном научном мировоззрении. Но это весьма далеко от истины. Не только физическая материя не является тем, чем кажется, но и время. Экстравагантное, но бесспорное свидетельство корнелльского психолога Дэрила Бэма¹⁴ (глава 4) доказывает существование человеческого предвидения (сознательная когнитивная осведомленность) и предчувствия (эмоциональное понимание). И это лишь начало загадки. Напрашиваются мысли, что ход времени встроен в земную реальность как часть ограничения человеческого сознания.

В некотором смысле, в этом «вечном сейчас» прошлое и будущее довольно симметричны. Расширенная форма эксперимента квантового ластика с отложенным выбором Джона Уилера (смотрите приложение Б) показывает, как решение астронавта понаблюдать за квазаром с расстояния в несколько миллиардов световых лет заставляет фотоны, покинувшие тот квазар миллиарды лет назад, изменить свое поведение в далеком прошлом, чтобы в момент наблюдения проявиться как частицы или волны. Получается, выбор, который мы делаем сейчас, влияет на прошлое. Все зависит от знания, которое мы можем получить о мире в настоящий момент.

¹⁴ Бэм Д. Д. «Feeling the future: experimental evidence for anomalous retroactive Influences on cognition and affect». Journal of Personality and Social Psychology 100, no. 3, 2011, 407–425.

Другие блестящие физики также увидели эту своеобразную помеху в наших понятиях о ходе времени. Как заявил Эйнштейн после смерти своего давнего друга Мишеля Бессо, «он ушел из этого странного мира чуть раньше меня. И это ничего не значит. Люди вроде нас, верящие в физику, знают, что разница между прошлым, настоящим и будущим – только лишь упрямая, стойкая иллюзия».

Главные подсказки кроются в искаженном течении времени или его отсутствии – в снах под общей анестезией, околосмертных переживаниях (и особенно в перепросмотрах событий жизни) и других состояниях измененного сознания. В них течение времени может быть очень разным: иногда кажется, что время идет вперед или назад, бежит быстрее или медленнее, а иногда наше сознание смещается в области, лежащие вне консенсусного «земного времени».

Глубоко в коме мое восприятие хода времени в физической Вселенной было свернуто в петлю или даже точку. Я осознавал более фундаментальную форму каузальности, проявленную в том, что я называю «глубоким временем». Глубокое время первично, оно связано с эволюцией всего сознания и особенно с бесчисленными событиями в жизнях разумных существ. Уже доказано, что постоянно текущая река земного времени – иллюзия, поддерживаемая нашим сознанием по «эту сторону завесы». В сравнении с глубоким временем, «земное время» – только подпространство, часть нашей общей консенсусной, то есть коллективной, реальности, которую наблюдает наше Коллективное сознание. Сознательная осведомленность в альтернативных измерениях не ограничена земным временем и с легкостью получает доступ к областям, лежащим вне консенсусной реальности.

Самые сложные недавние эксперименты квантовой физики только укрепляют чувство, что не существует объективной реальности, независимой от разума сознательного наблюдателя¹⁵. И все же, Великая иллюзия так просто не сдается. Если позаимствовать фразу из литературы о зависимостях, опубликованной в рамках программы восстановления «12 шагов», Великая иллюзия «коварная, загадочная и мощная». Даже если мы знаем, что имеем дело с мороком, нас притягивает его обманчивая и неодолимая власть.

Кое-кто спросит, откуда взялось осознание коллективного мира, если эта общая реальность поддерживает независимое существование физической реальности. Эта общая «реальность» фактически основа нашего земного опыта. Консенсусная реальность физического мира – подходящее место для разворачивающихся событий нашей жизни, это как декорации городка Дикого Запада, которые Голливуд использует для съемок, но которых в действительности не существует. Во многом наш совместно воспринимаемый физический мир играет ту же роль, что и наши тела – они ориентируют нас на наш опыт здесь и сейчас.

Дэвид Чалмерс, обозначивший трудную проблему сознания, также упомянул легкую проблему сознания, которая заключается в вопросе об оценке субъективных или качественных аспектов восприятия. Легкая проблема возникает, например, когда человек оценивает красноту яблока и пытается сравнить свое восприятие с восприятием другого человека – это одно восприятие или у них есть различия в качестве и содержании? Ученые подсчитали, что легкая проблема сознания может быть решена за несколько веков. Можете вообразить, сколько займет, по их мнению, решение трудной проблемы.

Нам сложно даже определить природу того, что мы сравниваем, и обозначить возможные несоответствия между нашими индивидуальными восприятиями и тем, как они сводятся к разумному консенсусу. Сравнить наши индивидуальные версии реальности в любой заданной обстановке очень трудно. Мы согласны с тем, что наши ощущения совпадают с такими же ощущениями, испытанными нами в прошлом, потому что мы договорились об этом в ходе формирования основных понятий. По этой причине наш язык закодирован так, чтобы обозначать определенные вещи в определенных ситуациях, но мы можем только декларировать, что наши

¹⁵ Рингбаур М., et al. «Measurements on the Reality of the Wavefunction». arXiv: 1412.6213v2 (qaunt-ph), January 20, 2015.

ощущения остаются неизменными для нас в текущем восприятии мира. Мы сталкиваемся с тем, что не можем сравнить наши ощущения с ощущениями других людей. Нам остается лишь заключить друг с другом некую договоренность.

Многие видят в объективном научном методе единственный путь к истине и верят, что в эпоху обоснованных выводов субъективный индивидуальный опыт не имеет никакого значения. На самом деле все человеческие знания коренятся в личном опыте (включая опыт ученых, проводящих эксперименты), так что субъективный опыт ученого, и всех нас, можно рассматривать как часть единого целого. Фактически любая истина, обнаруженная благодаря научному методу, заключает в себе жизненный опыт и моменты постижения мира, известные только субъективному «я».

Хотя материалистическая наука считает сознание несущественным и непонятным, учтите, что вы никогда не наблюдали ничего, кроме внутреннего пространства собственного сознания.

Профессор философии Принстонского университета Томас Нагель в 1974 году написал интересную статью, в которой показал преобладающую ценность субъективного знания над объективным. Провокативный мысленный эксперимент Нагеля рассматривает, что такое «быть летучей мышью». Он выбрал это животное, потому что оно млекопитающее, как и люди, а значит, достаточно похоже на нас, чтобы рассматривать его как имеющее субъективный сознательный опыт. Отличие в том, что основной механизм восприятия летучей мыши – это эхолокация. Мыши используют высокие звуки как исходящие сигналы, а затем выстраивают модель трехмерного мира через сложную систему звукового эха, отраженного окружающими физическими объектами (комарами, птицами, деревьями, другими мышами и так далее). Эта акустическая система позволяет мыши строить высокочувствительную ментальную модель расстояния, направления, размера, текстуры, формы и движения всего ее физического окружения, так что она может летать в темноте и ловить комаров себе на ужин.

Позже в Нью-Йоркском университете Нагель пояснил, что привел этот пример не для того, чтобы проанализировать, «что будет, если я буду вести себя, как летучая мышь... Я хочу знать, что такое для летучей мыши быть летучей мышью». Субъективная информация, характерная для восприятия мира летучей мышью, действительно обширна, хотя очень отлична от информации, доступной людям. Его мысленный эксперимент показывает, что огромное количество информации, проходящей через субъективное восприятие, превосходит знание, доступное только через «объективное» мнение – фактически он оспаривает утверждение, что беспристрастная объективность вообще существует.

Принимая во внимание наше меняющееся представление о Великой иллюзии, получается, что единственное знание, доступное человеку, субъективно. На самом деле, у нас никогда не было доступа к какой-либо «объективной» реальности. Видимо, существует консенсусная реальность, которую мы считаем внешним миром и которая включает в себя всех людей и других живых существ, но нам нужно быть осторожными и не додумывать слишком многое о некой объективной реальности за пределами того, что нам субъективно доступно. Нагель обвинял все материалистические объяснения именно в этом.

Австралийский философ-аналитик Фрэнк Джексон в 1982 году оживил эту дискуссию историей о Марии – неврологе, посвятившей свою жизнь изучению нейронных механизмов цветного зрения. Правда, сама она получала все данные с черно-белого монитора компьютера и жила в черно-белой комнате, из которой никогда в жизни не выходила. Тем не менее она изучила все, что могла сообщить нейронаука, о механизмах, за счет которых человек видит красный спелый помидор, пышную зелень весенней травы на лужайке или синеву чистого неба, хотя никогда не видела цвета собственными глазами. Ее знания включали в себя результаты неврологических психофизических экспериментов с нейронным процессом восприятия.

Джексон освободил Марию из ее черно-белого мира, когда подарил цветной монитор и помог выйти в настоящий мир, полный всех цветов радуги. Узнала ли Мария что-то новое, увидев собственными глазами спелый помидор, ярко-зеленую лужайку и синее небо? Большинство людей сказал бы, что да, она приобрела новое знание о мире, которое не могла получить посредством всестороннего научного изучения физических механизмов цветного зрения (и словесных описаний цветов от других людей), – она получила знания через восприятие цвета. Взгляд своими глазами на яркие цвета природы дал ей сведения, совершенно необходимые для восприятия мира в целом, и ничего кроме этого непосредственного личного опыта не могло восполнить ее знания о мире.

Джексон сделал заключение, что полнота физической реальности не ограничивается сведениями, что в субъективном опыте есть нечто важное, не уместящееся в рамки всестороннего научного описания. Это важное нечто есть сам субъективный опыт. История Марии также показывает существенный недостаток довода о том, что полезной может быть лишь информация, собранная с помощью строго контролируемого объективного научного метода. Напротив, опыт людей по всему миру опровергает то, что материалистическая наука считает истинной, и такое эмпирическое доказательство должно быть учтено, если у нас есть сколько-нибудь серьезный интерес к пониманию природы мира.

Мой субъективный опыт стал мощным свидетельством реальности духовного мира. Я привык списывать личный опыт со счетов как не имеющий совершенно никакой ценности, но теперь понял, что он крайне важен для нашего восприятия мира, несмотря на его бессистемный характер. Вследствие этого паранормальные явления становятся очень значимыми. Я пришел к выводу, что даже дуалистическая теория, в которой ум считается отдельным от мозга субъектом, мало что дает. А если квантовые опыты говорят нам, что разум на самом деле создает события, наблюдаемые в материальном мире? А если наш личный выбор полностью определяет нашу разворачивающуюся реальность?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.